

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

Р

ПОЛНЫЙ КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ

Достопамятные события

и лица от возникновения древних племен до великих реформ Александра II

ИСТОРИИ

Сергей Федорович Платонов
Полный курс лекций
по русской истории.
Достопамятные события
и лица от возникновения
древних племен до великих
реформ Александра II

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69122599
ПОЛНЫЙ КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ:
ISBN 978-5-227-10311-6

Аннотация

В основу книги легли лекции и научные труды русского и советского историка С.Ф. Платонова, а также записи слушателей курсов Военно-юридической академии и Петербургского университета. В одном издании собран и обобщен обширный материал, охватывающий период истории со времен расселения славянских племен и образования Киевского княжества до правления Николая I и Александра II. Профессор Платонов, обладавший талантом рассказчика, живо и ярко

описывает события Смутного времени, борьбу за Московский престол, а также период культурного подъема во времена царствования Алексея Михайловича. В сборник включены очерки, посвященные правителям Российского государства, а также переломным моментам отечественной истории.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	8
Введение	10
Очерк русской историографии	19
Обзор источников русской истории	48
Часть первая	97
Предварительные исторические сведения	97
Древнейшая история нашей страны	97
Русские славяне и их соседи	105
Первоначальный быт русских славян	112
Киевская Русь	125
Образование Киевского княжества	125
Общие замечания о первых временах	139
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Сергей Платонов
Полный курс лекций
по русской истории
Достопамятные события
и лица от возникновения
древних племен до великих
реформ Александра II

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

* * *

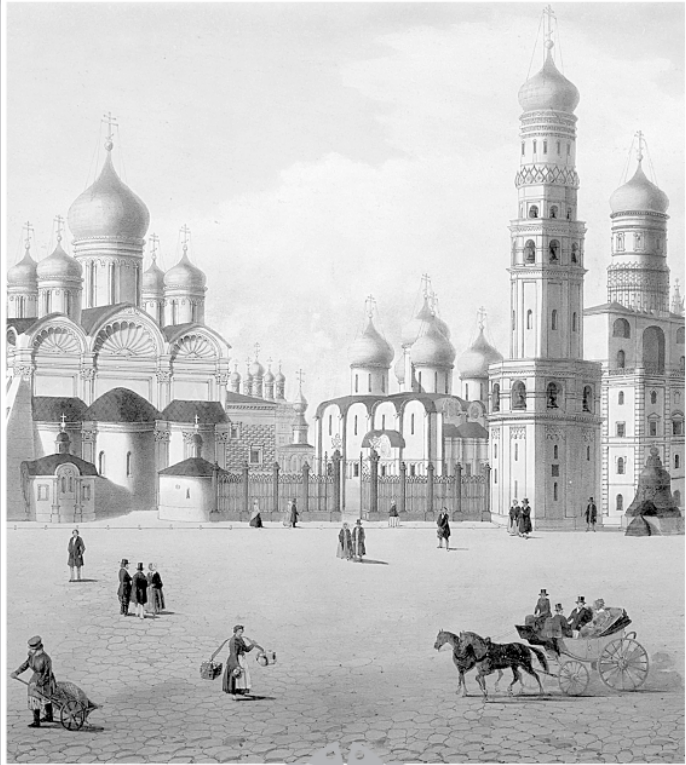

СЕРГЕЙ ПЛАТОНОВ

ПОЛНЫЙ КУРС ЛЕКЦИЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Достопамятные события и лица
от возникновения древних племен
до великих реформ Александра II

От автора

Первым своим появлением в печати настоящие «Лекции» обязаны энергии и труду моих слушателей по Военно-юридической академии, И. А. Блинова и Р. Р. фон Раупаха. Они собрали и привели в порядок все те «литографированные записки», какие издавались учащимися в разные годы моего преподавания. Хотя некоторые части этих «записок» были составлены по данным мной текстам, однако, в общем, первые издания «Лекций» не отличались ни внутренней цельностью, ни внешней отделкой, представляя собой собрание разновременных и разнокачественных учебных записей. Трусами И. А. Блинова четвертое издание «Лекций» приобрело значительно более исправный вид, а к следующим изданиям текст «Лекций» пересматривался и лично мною.

В частности, в восьмом издании пересмотр коснулся главным образом тех частей книги, которые посвящены истории Московского княжества в XIV–XV вв. и истории царствований Николая I и Александра II. Для усиления фактической стороны изложения в этих частях курса мной были привлечены некоторые выдержки из моего «Учебника русской истории» с соответствующими изменениями текста, так же как в прежних изданиях были оттуда же сделаны вставки в отдел истории Киевской Руси до XII века. Кроме того, в восьмом

издании заново была изложена характеристика царя Алексея Михайловича. В девятом издании сделаны необходимые, в общем небольшие, исправления. Для десятого издания текст был пересмотрен.

Тем не менее и в настоящем своем виде «Лекции» далеки еще от желаемой исправности. Живое преподавание и научная работа оказывают непрерывное влияние на лектора, изменяя не только частности, но иногда и сам тип его изложения. В «Лекциях» можно видеть только тот фактический материал, на котором обычно строятся курсы автора. Конечно, в печатной передаче этого материала остались еще и теперь некоторые недосмотры и погрешности; равным образом и конструкция изложения в «Лекциях» весьма нередко не соответствует тому строю устного изложения, которого держусь я в последние годы. Только с этими оговорками и решаюсь я выпустить в свет настоящее издание «Лекций».

С. Платонов

Петроград, 5 августа 1917 г.

Введение

(Изложение конспективное)

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами историческое знание, историческая наука.

Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного какого-либо народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом, например, покажет вам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них в том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю, как на художественный рассказ о достопамятных событиях, древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубо-

ко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о Скифах и т. п.); в одни он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом отличать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, то есть желание связывать факты причинной связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

К временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художествен-

ных впечатлений, практической приложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни (*magistra vitae*). От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей.

Такой взгляд на историю во всей силе держался в Средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой – обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII в. (*De Rocolles*) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в известном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Со-

образно с различными философскими системами так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэ (1627–1704) и Лоран (1810–1887) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенной яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческой жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1668–1744) задачей истории, как науки, считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный философ Гегель (1770–1831) в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкой сказать, что все эти философии требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли, – простой рассказ о былом вообще или случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории и систематизировала факты произвольно. От этого

история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукой история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо (1787–1874), например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития).

Философ Шеллинг (1775–1854) считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие зако-

ны развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки – социологии. История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни сама наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные, науки. И однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, — с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевших целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле — исторический синтез, имеющий цель воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя

из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с общей историей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своей историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться – долг национальной историографии заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собой различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим до-

стигнет своей цели.

Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так, и отвлеченные соображения и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу – систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию.

Очерк русской историографии

Когда же началось систематическое изображение событий русской исторической жизни и когда русская история стала наукой? Еще в Киевской Руси, наряду с возникновением гражданственности, в XI в. появились у нас первые летописи. Это были перечни фактов, важных и не важных, исторических и не исторических, попеременно с литературными сказаниями. С нашей точки зрения, древнейшие летописи не представляют собой исторического труда; не говоря о содержании – и сами приемы летописца не соответствуют теперешним требованиям. Зачатки историографии у нас появляются в XVI в., когда исторические сказания и летописи стали впервые сверять и сводить в одно целое. В XVI в. сложилась и сформировалась Московская Русь. Сплотившись в единое тело, под властью единого московского князя, русские старались объяснить себе и свое происхождение, и свои политические идеи, и свои отношения к окружающим их государствам.

И вот в 1512 г. (по-видимому, старцем Филофеем) составляется хронограф, то есть обозрение всемирной истории. Большая часть его заключала в себе переводы с греческого языка, и только как дополнения внесены русские и славянские исторические сказания. Хронограф этот краток, но дает достаточный запас исторических сведений; за ним появ-

ляются и вполне русские хронографы, представляющие собой переработку первого. Вместе с ними возникают в XVI в. летописные своды, составленные по древним летописям, но представляющие не сборники механически сопоставленных фактов, а произведения, связанные одной общей идеей. Первым таким произведением была «Степенная книга», получившая такое название потому, что она разделялась на «поколения» или на «степени», как их тогда называли. Она передавала в хронологическом, последовательном, то есть «по-степенном» порядке деятельность русских митрополитов и князей, начиная с Рюрика. Автором этой книги ошибочно считали митрополита Киприана; она была обработана митрополитами Макарием и его преемником Афанасием при Иване Грозном, то есть в XVI в. В основании «Степенной книги» лежит тенденция и общая и частная.

Общая проглядывает в желании показать, что власть московских князей есть не случайная, а преемственная, с одной стороны, от южнорусских, киевских князей, с другой – от византийских царей. Частная же тенденция сказалась в том уважении, с каким неизменно повествуется о духовной власти. «Степенная книга» может быть названа историческим трудом в силу известной системы изложения. В начале XVI в. был составлен другой исторический труд – «Воскресенская летопись», более интересная по обилию материала. В основание ее легли все прежние летописи, «Софийский временник» и иные, так что фактов в этой летопи-

си действительно много, но скреплены они чисто механически. Тем не менее «Воскресенская летопись» представляет нам самым ценным историческим произведением из всех ей современных или более ранних, так как она составлена без всякой тенденции и включает в себе много сведений, которых нигде более не находим. Своей простотой она могла не нравиться, безыскусственность изложения могла казаться убогой знатокам риторических приемов, и вот ее подвергли переработке и дополнениям и составили, к середине XVI же века, новый свод, называемый «Никоновской летописью». В этом своде мы видим много сведений, заимствованных из греческих хронографов, по истории греческих и славянских стран, летопись же о русских событиях, особенно о веках позднейших, хотя и подробная, но не совсем надежная, — точность изложения пострадала от литературной переработки: поправляя бесхитростный слог прежних летописей, невольно искажали и смысл некоторых событий.

В 1674 г. появился в Киеве и первый учебник русской истории — «Синописис» Иннокентия Гизеля, очень распространенный в эпоху Петра Великого (он часто встречается и теперь). Если рядом со всеми этими переработками летописей помянем ряд литературно написанных сказаний об отдельных исторических фактах и эпохах (например, «Сказания князя Курбского», повести о Смутном времени), то обнимем весь тот запас исторических трудов, с которым Русь дожила до эпохи Петра Великого, до учреждения Академии

наук в Петербурге. Петр очень заботился о составлении истории России и поручал это дело различным лицам. Но только после его смерти началась ученая разработка исторического материала, и первыми деятелями на этом поприще явились ученые немцы, члены Петербургской академии; из них прежде всего следует назвать Готлиба Зигфрида Байера (1694–1738). Он начал с изучения племен, населявших Россию в древности, особенно варягов, но далее этого не пошел. Байер оставил после себя много трудов, из которых два довольно капитальных произведения написаны на латинском языке и теперь уже не имеют большого значения для истории России – это «Северная география» и «Исследования о варягах» (их перевели на русский язык только в 1767 г.). Гораздо плодотворнее были труды Герарда Фридриха Миллера (1705–1783), который жил в России при императрицах Анне, Елизавете и Екатерине II и уже настолько хорошо владел русским языком, что писал свои произведения по-русски. Он много путешествовал по России (прожил 10 лет, с 1733 по 1743 г., в Сибири) и хорошо изучил ее. На литературном историческом поприще он выступил как издатель русского журнала «Ежемесячные сочинения» (1755–1765) и сборника на немецком языке «Sammlung Russischer Geschichte». Главной заслугой Миллера было собирание материалов по русской истории; его рукописи (так называемые Миллеровские портфели) служили и служат богатым источником для издателей и исследователей. И исследования Миллера имели

значение, — он был одним из первых ученых, заинтересовавшихся позднейшими эпохами нашей истории, им посвящены его труды: «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах Российских». Наконец, он был первым ученым-архивариусом в России и привел в порядок Московский архив Иностранной коллегии, директором которого и умер (1783). Среди академиков XVIII в. видное место трудами по русской истории занял и Ломоносов, написавший учебную книгу русской истории и один том «Древней Русской истории» (1766). Его труды по истории были обусловлены полемикой с академиками — немцами. Последние выводили Русь Варягов от норманнов и норманнскому влиянию приписывали происхождение гражданственности на Руси, которую до пришествия варягов представляли страной дикой; Ломоносов же варягов признавал за славян и таким образом русскую культуру считал самобытной.

Названные академики, собирая материалы и исследуя отдельные вопросы нашей истории, не успели дать общего ее обзора, необходимость которого чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзор появились вне академической среды.

Первая попытка принадлежит В. Н. Татищеву (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, он увидел, что разрешить их невозможно без знания истории, и, будучи человеком всесторонне образованным, стал сам собирать сведения по русской истории и занялся ее со-

ставлением. В течение многих лет писал он свой исторический труд, перерабатывал его не один раз, но только по его смерти, в 1768 г., началось его издание. В течение 6 лет вышло 4 тома, 5-й том был случайно найден уже в нашем веке и издан Московским обществом истории и древностей Российских. В этих 5 томах Татищев довел свою историю до смутной эпохи XVII в. В первом томе мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую историю и с источниками, которыми он пользовался при ее составлении; мы находим целый ряд научных эскизов о древних народах – варягах, славянах и др. Татищев нередко прибегал к чужим трудам; так, например, он воспользовался исследованием «О варягах» Байера и прямо включил его в свой труд. История эта теперь, конечно, устарела, но научного значения она не потеряла, так как (в XVIII в.) Татищев обладал такими источниками, которых теперь нет, и, следовательно, многие из фактов, им приведенных, восстановить уже нельзя. Это возбудило подозрение, существовали ли некоторые источники, на которые он ссылался, и Татищева стали обвинять в недобросовестности. Особенно не доверяли приводимой им «Иоакимовской летописи». Однако исследование этой летописи показало, что Татищев только не сумел отнестись к ней критически и включил ее целиком, со всеми ее баснями, в свою историю. Строго говоря, труд Татищева есть не что иное, как подробный сборник летописных данных, изложенных в хронологическом порядке; тяжелый его язык и отсутствие ли-

тературной обработки делали его неинтересным для современников.

Первая популярная книга по русской истории принадлежала перу Екатерины II, но труд ее «Записки касательно Русской истории», доведенный до конца XIII в., научного значения не имеет и интересен только как первая попытка рассказать обществу легким языком его прошлое. Гораздо важнее в научном отношении была «История Российская» князя М. Щербатова (1733–1790), которой впоследствии пользовался и Карамзин. Щербатов был человек не сильного философского ума, но начитавшийся просветительной литературы XVIII в. и всецело сложившийся под ее влиянием, что отразилось и на его труде, в который внесено много предвзятых мыслей. В исторических сведениях он до такой степени не успевал разбираться, что заставлял иногда своих героев умирать по 2 раза. Но, несмотря на такие крупные недостатки, «История» Щербатова имеет научное значение благодаря многим приложениям, заключающим в себе исторические документы. Особенно интересны дипломатические бумаги XVI и XVII вв. Доведен его труд до Смутной эпохи.

Случилось, что при Екатерине II некто француз Леклерк, совершенно не знавший ни русского государственного строя, ни народа, ни его быта, написал ничтожную «L'histoire de la Russie», причем в ней было так много клевет, что она возбудила всеобщее негодование. И. Н. Болтин (1735–1792), любитель русской истории, составил ряд заметок, в которых об-

наружил невежество Леклерка и которые издал в двух томах. В них он отчасти задел и Щербатова. Щербатов обиделся и написал «Возражение». Болтин отвечал печатными письмами и приступил к критике на «Историю» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающие в нем исторический талант, интересны по новизне взглядов. Болтина не совсем точно зовут иногда «первым славянофилом», потому что он отмечал много темных сторон в слепом подражании Западу, подражании, которое заметно стало у нас после Петра, и желал, чтобы Россия крепче хранила добрые начала прошлого века. Сам Болтин интересен как историческое явление. Он служил лучшим доказательством того, что в XVIII в. в обществе, даже у неспециалистов по истории, был живой интерес к прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина разделял Н. И. Новиков (1744–1818), известный ревнитель русского просвещения, собравший «Древнюю российскую вивлиофику» (20 томов), обширный сборник исторических документов и исследований (1788–1791).

Одновременно с ним, как собиратель исторических материалов, выступил купец Голиков (1735–1801), издавший сборник исторических данных о Петре Великом под названием «Деяния Петра Великого» (1-е изд. 1788–1790 гг., 2-е 1837 г.). Таким образом, рядом с попытками дать общую историю России зарождается и стремление подготовить материалы для такой истории. Помимо инициативы частной, в этом направлении работает и сама Академия наук, издавая

летописи для общего с ними ознакомления.

Но во всем том, что нами перечислено, еще мало было научности в нашем смысле: не существовало строгих критических приемов, не говоря уже об отсутствии цельных исторических представлений.

Впервые ряд научно-критических приемов в изучение русской истории внес ученый иностранец Шлёцер (1735–1809). Познакомившись с русскими летописями, он пришел от них в восторг: ни у одного народа не встречал он такого богатства сведений, такого поэтического языка. Уже выехав из России и будучи профессором Геттингенского университета, он неустанно работал над теми выписками из летописей, которые ему удалось вывезти из России. Результатом этой работы был знаменитый труд, напечатанный под заглавием «Нестор» (1805 г. по-немецки, 1809–1819 гг. по-русски). Это целый ряд исторических этюдов о русской летописи.

В предисловии автор дает краткий обзор того, что сделано по русской истории. Он находит положение науки в России печальным, к историкам русским относится с пренебрежением, считает свою книгу почти единственным годным трудом по русской истории. И действительно, труд его далеко оставлял за собой все прочие по степени научного сознания и приемов автора. Эти приемы создали у нас как бы школу учеников Шлёцера, первых ученых исследователей, вроде М. П. Погодина.

После Шлёцера стали возможны у нас строгие исторические изыскания, для которых, правда, создавались благоприятные условия и в другой среде, во главе которой стоял Миллер. Среди собранных им в Архиве Иностранной коллегии людей особенно выдавались Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. Они создали первую школу ученых-архивариусов, которыми архив был приведен в полный порядок и которые, кроме внешней группировки архивного материала, производили ряд серьезных ученых изысканий на основании этого материала. Так мало-помалу созрели условия, создавшие у нас возможность серьезной истории.

В начале XIX в. создался, наконец, и первый цельный взгляд на русское историческое прошлое в известной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (1766–1826). Обладая цельным мировоззрением, литературным талантом и приемами хорошего ученого критика, Карамзин во всей русской исторической жизни видел один главнейший процесс – создание национального государственного могущества. К этому могуществу привел Русь ряд талантливых деятелей, из которых два главных – Иван III и Петр Великий – своей деятельностью ознаменовали переходные моменты в нашей истории и стали на рубежах основных ее эпох – древней (до Ивана III), средней (до Петра Великого) и новой (до начала XIX в.). Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые

и до нашего времени сохраняют за его «Историей» важное ученое значение.

Но односторонность основного взгляда Карамзина, ограничивавшая задачу историка изображением только судеб государства, а не общества с его культурой, юридическими и экономическими отношениями, была вскоре замечена уже его современниками. Журналист 30-х годов XIX в. Н. А. Полевой (1796–1846) упрекал его за то, что он, назвав свое произведение «Историей государства Российского», оставил без внимания «Историю русского народа». Именно этими словами Полевой озаглавил свой труд, в котором думал изобразить судьбу русского общества. На смену системы Карамзина он ставил свою систему, но не совсем удачную, так как был дилетант в сфере исторического ведения. Увлекаясь историческими трудами Запада, он пробовал чисто механически прикладывать их выводы и термины к русским фактам, так, например, – отыскать феодальную систему в Древней Руси. Отсюда понятна слабость его попытки, понятно, что труд Полевого не мог заменить труда Карамзина: в нем вовсе не было цельной системы.

Менее резко и с большей осторожностью выступил против Карамзина петербургский профессор Устрялов (1805–1870), в 1836 г. написавший «Рассуждение о системе прагматической русской истории». Он требовал, чтобы история была картиной постепенного развития общественной жизни, изображением переходов гражданственности из одного со-

стояния в другое. Но и он еще верит в могущество личности в истории и, наряду с изображением народной жизни, требует и биографий ее героев. Сам Устрялов, однако, отказался дать определенную общую точку зрения на нашу историю и замечал, что для этого еще не наступило время.

Таким образом, недовольство трудом Карамзина, сказавшееся и в ученом мире, и в обществе, не исправило карамзинской системы и не заменило ее другою. Над явлениями русской истории, как их связующее начало, оставалась художественная картина Карамзина, и не создалось научной системы. Устрялов был прав, говоря, что для такой системы еще не наступило время. Лучшие профессора русской истории, жившие в эпоху, близкую к Карамзину, Погодин и Каченовский (1775–1842), еще были далеки от одной общей точки зрения; последняя сложилась лишь тогда, когда русской историей стали деятельно интересоваться образованные кружки нашего общества. Погодин и Каченовский воспитывались на ученых приемах Шлёцера и под его влиянием, которое особенно сильно сказывалось на Погодине. Погодин во многом продолжал исследования Шлёцера и, изучая древнейшие периоды нашей истории, не шел далее частных выводов и мелких обобщений, которыми, однако, умел иногда увлекать своих слушателей, не привыкших к строго научному и самостоятельному изложению предмета. Каченовский за русскую историю принялся тогда, когда приобрел уже много знаний и опыта в занятиях другими отрас-

лями исторического ведения. Следя за развитием классической истории на Западе, которую в то время вывели на новый путь изыскания Нибура, Каченовский увлекался тем отрицанием, с каким стали относиться к древнейшим данным по истории, например, Рима. Это отрицание Каченовский перенес и на русскую историю: все сведения, относящиеся к первым векам русской истории, он считал недостоверными; достоверные же факты, по его мнению, начались лишь с того времени, как появились у нас письменные документы гражданской жизни. Скептицизм Каченовского имел последователей: под его влиянием основалась так называемая скептическая школа, не богатая выводами, но сильная новым, скептическим приемом отношения к научному материалу. Этой школе принадлежало несколько статей, составленных под руководством Каченовского.

При несомненной талантливости Погодина и Каченовского, оба они разрабатывали хотя и крупные, но частные вопросы русской истории; оба они сильны были критическими методами, но ни тот, ни другой не возвышались еще до дельного исторического мировоззрения: давая метод, они не давали результатов, к которым можно было прийти с помощью этого метода.

Только в 30-х годах XIX столетия в русском обществе сложилось цельное историческое мировоззрение, но развилось оно не на научной, а на метафизической почве. В первой половине XIX в. русские образованные люди все с боль-

шим и большим интересом обращались к истории, как отечественной, так и западноевропейской. Заграничные походы 1813–1814 гг. познакомили нашу молодежь с философией и политической жизнью Западной Европы. Изучение жизни и идей Запада породило, с одной стороны, политическое движение декабристов, с другой – кружок лиц, увлекавшихся более отвлеченной философией, чем политикой. Кружок этот вырос всецело на почве германской метафизической философии начала нашего века. Эта философия отличалась стройностью логических построений и оптимизмом выводов. В германской метафизике, как и в германском романтизме, сказался протест против сухого рационализма французской философии XVIII в. Революционному космополитизму Франции Германия противопоставляла начало народности и выяснила его в привлекательных образах народной поэзии и в ряде метафизических систем. Эти системы стали известны образованным русским людям и увлекали их. В германской философии русские образованные люди видели целое откровение. Германия была для них «Иерусалимом новейшего человечества», как назвал ее Белинский. Изучение главнейших метафизических систем Шеллинга и Гегеля соединило в тесный кружок несколько талантливых представителей русского общества и заставило их обратиться к изучению своего (русского) национального прошлого. Результатом этого изучения были две совершенно противоположные системы русской истории, построенные на одинаковой ме-

тафизической основе. В Германии в это время господствующими философскими системами были системы Шеллинга и Гегеля. По мнению Шеллинга, каждый исторический народ должен осуществлять какую-нибудь абсолютную идею добра, правды, красоты. Раскрыть эту идею миру – историческое призвание народа.

Исполняя его, народ делает шаг вперед на поприще всемирной цивилизации; исполнив его, он сходит с исторической сцены. Те народы, бытие которых не одухотворено идеей безусловного, суть народы неисторические, они осуждены на духовное рабство у других наций. Такое же деление народов на исторические и неисторические дает и Гегель, но он, развивая почти тот же принцип, пошел еще далее. Он дал общую картину мирового прогресса. Вся мировая жизнь, по мнению Гегеля, была развитием абсолютного духа, который стремится к самопознанию в истории различных народов, но достигает его окончательно в германо-романской цивилизации. Культурные народы Древнего Востока, античного мира и романской Европы были поставлены Гегелем в известный порядок, представлявший собою лестницу, по которой восходил мировой дух. На верху этой лестницы стояли германцы, и им Гегель пророчил вечное мировое главенство. Славян же на этой лестнице не было совсем. Их он считал за неисторическую расу и тем осуждал на духовное рабство у германской цивилизации.

Таким образом, Шеллинг требовал для своего народа

только всемирного гражданства, а Гегель – всемирного главенства. Но, несмотря на такое различие взглядов, оба философа одинаково повлияли на русские умы в том смысле, что возбуждали стремление оглянуться на русскую историческую жизнь, отыскать ту абсолютную идею, которая раскрывалась в русской жизни, определить место и назначение русского народа в ходе мирового прогресса. И тут-то, в приложении начал германской метафизики к русской действительности, русские люди разошлись между собою. Одни из них, западники, поверили тому, что германо-протестантская цивилизация есть последнее слово мирового прогресса. Для них Древняя Русь, не знавшая западной, германской цивилизации и не имевшая своей, была страной неисторической, лишенной прогресса, осужденной на вечный застой, страной «азиатской», как назвал ее Белинский (в статье о Котошихине). Из вековой азиатской косности вывел ее Петр, который, приобщив Россию к германской цивилизации, создал ей возможность прогресса и истории. Во всей русской истории, стало быть, только эпоха Петра Великого может иметь историческое значение. Она главный момент в русской жизни; она отделяет Русь азиатскую от Руси европейской.

До Петра полная пустыня, полное ничто; в древней русской истории нет никакого смысла, так как в Древней Руси нет своей культуры.

Но не все русские люди 30-х и 40-х годов думали так; некоторые не соглашались с тем, что германская цивилиза-

ция есть верхняя ступень прогресса, что славянское племя есть племя неисторическое. Они не видели причины, почему мировое развитие должно остановиться на германцах. Из русской истории вынесли они убеждение, что славянство было далеко от застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами в своем прошлом и что оно, наконец, имело свою культуру. Это учение было хорошо изложено И. В. Киреевским (1806–1856). Он говорит, что славянская культура в основаниях своих была самостоятельна и отлична от германской.

Во-первых, славяне получили христианство из Византии (а германцы – из Рима) и их религиозный быт получил иные формы, чем те, которые сложились у германцев под влиянием католичества. Во-вторых, славяне и германцы выросли на различной культуре: первые – на греческой, вторые – на римской. В то время как германская культура выработала свободу личности, славянские общины совершенно поработили ее. В-третьих, государственный строй был создан различно. Германия сложилась на римской почве. Германцы были народ пришлый; побеждая туземное население, они порабощали его. Борьба между побежденными и победителями, которая легла в основание государственного строя Западной Европы, перешла впоследствии в антагонизм сословий; у славян государство создавалось путем мирного договора, добровольного признания власти. Вот различие между Россией и Западной Европой, различие религии, культуры, государ-

ственного строя. Так думали славянофилы, более самостоятельные последователи германских философских учений. Они были убеждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшего развития своих начал в эпоху Московского государства. Петр Великий грубо нарушил это развитие, насильственной реформой внес к нам чуждые, даже противоположные начала германской цивилизации. Он повернул правильное течение народной жизни на ложный путь заимствования, потому что не понимал заветов прошлого, не понимал нашего национального духа. Цель славянофилов – вернуться на путь естественного развития, сгладив следы насильственной петровской реформы.

Общая точка зрения западников и славянофилов служила им основанием для толкования не только смысла нашей истории, но и отдельных ее фактов: можно насчитать много исторических трудов, написанных западниками и особенно славянофилами (из славянофилов-историков следует упомянуть Константина Сергеевича Аксакова, 1817–1860). Но их труды были гораздо более философскими или публицистическими, чем собственно историческими, а отношение к истории гораздо более философским, чем научным.

Строго научная цельность исторических воззрений впервые создана была у нас только в 40-х годах XIX в. Первыми носителями новых исторических идей были два молодых профессора Московского университета: Сергей Михайлович Соловьев (1820–1879) и Константин Дмитриевич Кавелин

(1818–1885). Их воззрения на русскую историю в то время назывались «теорией родового быта», а впоследствии они и другие ученые их направления стали известны под названием историко-юридической школы. Воспитывались они под влиянием германской исторической школы. В начале XIX в. историческая наука в Германии сделала большие успехи. Деятели так называемой германской исторической школы внесли в изучение истории чрезвычайно плодотворные руководящие идеи и новые методы исследования. Главной мыслью германских историков была мысль о том, что развитие человеческих общин не есть результат случайностей или единичной воли отдельных лиц: развитие общества совершается, как развитие организма, по строгим законам, ниспровергнуть которые не может ни историческая случайность, ни личность, как бы гениальна она ни была.

Первый шаг к такому воззрению сделал еще в конце XVIII столетия Фридрих Август Вольф в произведении «*Prologomena ad Homerum*», в котором он занимался исследованием происхождения и состава греческого эпоса «Одиссеи» и «Илиады».

Давая в своем труде редкий образец исторической критики, он утверждал, что гомеровский эпос не мог быть произведением отдельной личности, а был постепенно, органически созданным произведением поэтического гения целого народа. После труда Вольфа такое органическое развитие стали искать не только в памятниках поэтического творче-

ства, но и во всех сферах общественной жизни, искали и в истории, и в праве. Признаки органического роста античных общин наблюдали Нибур в римской истории, Карл Готфрид Миллер в греческой. Органическое развитие правового сознания изучили историки-юристы Эйхгорн («Deutsche Staatsung Rechtsgeschichte», в пяти томах, 1808) и Савиньи («Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter», в шести томах, 1815–1831). Эти труды, носившие на себе печать нового направления, к половине XIX в. создали в Германии блестящую школу историков, которая и до сих пор еще не пережила вполне своих идей.

В идеях и приемах ее выросли наши ученые историко-юридической школы. Одни усвоили их путем чтения, как, например, Кавелин; другие – прямо слушанием лекций, как Соловьев, который был учеником Ранке. Они усвоили себе все содержание немецкого исторического направления. Некоторые из них увлекались и германской философией Гегеля. В Германии точная и строго фактическая историческая школа не всегда жила в ладу с метафизическими учениями гегельянства; тем не менее и историки, и Гегель сходились в основном воззрении на историю как на закономерное развитие человеческих обществ. И историки, и Гегель одинаково отрицали в ней случайность, поэтому их воззрения могли ужиться в одной и той же личности. Эти воззрения и были впервые приложены к русской истории нашими учеными Соловьевым и Кавелиным, думавшими показать в ней органи-

ческое развитие тех начал, которые были даны первоначальным бытом нашего племени и которые коренились в природе нашего народа. На быт культурный и экономический они обращали меньше внимания, чем на внешние формы общественных союзов, так как имели убеждение, что главным содержанием русской исторической жизни была именно естественная смена одних законов общежития другими. Они надеялись подметить порядок этой смены и в нем найти закон нашего исторического развития. Вот почему их исторические трактаты носят несколько односторонний историко-юридический характер. Такая односторонность не составляла индивидуальности наших ученых, а была занесена ими от их германских наставников.

Немецкая историография считала главной своей задачей исследование именно юридических форм в истории; корень этого взгляда кроется в идеях Канта, который понимал историю «как путь человечества» к созданию государственных форм. Таковы были те основания, на которых строилось первое научно-философское воззрение на русский исторический быт. Это не было простое заимствование чужих выводов, не было только механическое приложение чужих идей к плохо понятому материалу, – нет, это было самостоятельное научное движение, в котором взгляды и научные приемы были тождественны с германскими, но выводы отнюдь не предreshались и зависели от материала. Это было научное творчество, шедшее в направлении своей эпохи, но самосто-

ательно. Вот почему каждый деятель этого движения сохранял свою индивидуальность и оставил по себе ценные монографии, а вся историко-юридическая школа создала такую схему нашего исторического развития, под влиянием которой до сих пор живет русская историография.

Исходя из мысли, что отличительные черты истории каждого народа создаются его природой и его первоначальной обстановкой, они и обратили внимание на первоначальную форму русского общественного быта, которая, по их мнению, определялась началом родового быта. Всю русскую историю представляли они как последовательный органически стройный переход от кровных общественных союзов, от родового быта – к быту государственному. Между эпохой кровных союзов и государственной лежит промежуточный период, в котором происходила борьба начала кровного с началом государственным. В первый период личность безусловно подчинялась роду, и положение ее определялось не индивидуальной деятельностью или способностями, а местом в роде; кровное начало господствовало не только в княжеских, но и во всех прочих отношениях, оно определяло собой всю политическую жизнь России. Россия в первой стадии своего развития считалась родовой собственностью князей; она делилась на волости соответственно числу членов княжеского дома. Порядок владения обуславливался родовыми счетами. Положение каждого князя определялось его местом в роде. Нарушение старшинства порождало междоусобицы, ко-

торые, с точки зрения Соловьева, ведутся не за волости, не за нечто конкретное, а за нарушение старшинства, за идею. С течением времени изменились обстоятельства княжеской жизни и деятельности. На северо-востоке Руси князья явились полными хозяевами земли, сами призывали население, сами строили города. Чувствуя себя создателем новой области, князь предъявляет к ней новые требования; в силу того что он сам ее создал, он не считает ее родовой, а свободно распоряжается ею и передает ее своей семье. Отсюда возникает понятие о собственности семейной, понятие, вызвавшее окончательную гибель родового быта.

Семья, а не род, стала главным принципом; князья даже начали смотреть на своих дальних родственников, как на людей чужих, врагов своей семьи. Наступает новая эпоха, когда одно начало разложилось, другого еще не создано. Наступает хаос, борьба всех против всех. Из этого хаоса вырастет случайно усилившаяся семья московских князей, которые свою вотчину ставят выше других по силе и богатству.

В этой вотчине мало-помалу вырабатывается начало единого наследия – первый признак нового государственного порядка, который и водворяется окончательно реформами Петра Великого.

Таков, в самых общих чертах, взгляд С. М. Соловьева на ход нашей истории, взгляд, разработанный им в двух его диссертациях: 1) «Об отношениях Новгорода к великим князьям» и 2) «История отношений между князьями Рюрико-

ва дома». Система Соловьева была талантливо поддержана К. Д. Кавелиным в нескольких его исторических статьях (см. том 1 «Собрания сочинений Кавелина» изд. 1897 г.). В одной лишь существенной частности расходился Кавелин с Соловьевым: он думал, что и без случайного стечения благоприятных обстоятельств на севере Руси родовой быт княжеский должен был разложиться и перейти в семейный, а затем в государственный. Неизбежную и последовательную смену начал в нашей истории он изображал в такой краткой формуле: «Род и общее владение; семья и вотчина или отдельная собственность; лицо и государство».

Толчок, данный талантливыми трудами Соловьева и Кавелина русской историографии, был очень велик. Стройная научная система, впервые данная нашей истории, увлекла многих и вызвала оживленное научное движение. Много монографий было написано прямо в духе историко-юридической школы. Но много и возражений, с течением времени все более и более сильных, раздалось против учения этой новой школы. Ряд горячих научных споров в конце концов окончательно расшатал стройное теоретическое воззрение Соловьева и Кавелина в том его виде, в каком оно появилось в их первых трудах. Первое возражение против школы родового быта принадлежало славянофилам. В лице К. С. Аксакова (1817–1860) они обратились к изучению исторических фактов (к ним отчасти примкнули московские профессора Лешков и Беляев, 1810–1873); на первой ступени нашей ис-

тории они увидели не родовой быт, а общинный и мало-помалу создали свое учение об общине. Оно встретило некоторую поддержку в трудах одесского профессора Леонтовича, который постарался определить точнее примитивный характер древней славянской общины; эта община, по его мнению, очень походит на существующую еще сербскую «задругу», основанную отчасти на родственных, отчасти же на территориальных отношениях. На месте рода, точно определенно-го школой родового быта, стала не менее точно определенная община, и, таким образом, первая часть общеисторической схемы Соловьева и Кавелина потеряла свою непреложность. Второе возражение против частной этой схемы сделано было ученым, близким по общему своему направлению к Соловьеву и Кавелину. Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), воспитывавшийся в той же научной обстановке, как Соловьев и Кавелин, отодвинул за пределы истории эпоху кровных родовых союзов на Руси. На первых страницах нашего исторического бытия он видел уже разложение древних родовых начал. Первая форма нашей общественности, какую знает история, по его взгляду, была построена не на кровных связях, а на началах гражданского права. В древнерусском быту личность не ограничивалась ничем, ни кровным союзом, ни государственными порядками. Все общественные отношения определялись гражданскими сделками, договорами. Из этого-то договорного порядка естественным путем выросло впоследствии государство. Теория Чичерина,

изложенная в его труде «О духовных и договорных грамотах князей великих и удельных», получила дальнейшее развитие в трудах профессора В. И. Сергеевича и в этой последней форме уже совсем отошла от первоначальной схемы, данной школой родового быта. Вся история общественного быта у Сергеевича делится на два периода: первый – с преобладанием частной и личной воли над началом государственным, второй – с преобладанием государственного интереса над личной волей.

Если первое, славянофильское возражение явилось на почве соображений об общекультурной самостоятельности славянства, если второе выросло на почве изучения правовых институтов, то третье возражение школе родового быта сделано, скорее всего, с точки зрения историко-экономической. Древнейшая Киевская Русь не есть страна патриархальная; ее общественные отношения довольно сложны и построены на тимократической основе. В ней преобладает аристократия капитала, представители которой сидят в княжеской думе. Таков взгляд профессора В. О. Ключевского (1841–1911) в его трудах «Боярская дума древней Руси» и «Курс русской истории».

Все эти возражения уничтожили стройную систему родового быта, но не создали какой-либо новой исторической схемы. Славянофильство оставалось верно своей метафизической основе, а в позднейших представителях отошло от исторических разысканий. Система Чичерина и Сергеевича

сознательно считает себя системой только истории права. А точка зрения историко-экономическая пока не приложена к объяснению всего хода нашей истории. Наконец, в трудах других историков мы не встречаем сколько-нибудь удачной попытки дать основания для самостоятельного и цельного исторического мировоззрения.

Чем же живет теперь наша историография? Вместе с К. С. Аксаковым мы можем сказать, что у нас теперь нет «истории», что «у нас теперь пора исторических исследований, не более». Но, отмечая этим отсутствие одной господствующей в историографии доктрины, мы не отрицаем существования у наших современных историков общих взглядов, новизной и плодотворностью которых обуславливаются последние усилия нашей историографии. Эти общие взгляды возникали у нас одновременно с тем, как появлялись в европейской науке; касались они и научных методов, и исторических представлений вообще. Возникшее на Западе стремление приложить к изучению истории приемы естественных наук сказалось у нас в трудах известного А. П. Щапова (1831–1876). Сравнительный исторический метод, выработанный английскими учеными и требующий, чтобы каждое историческое явление изучалось в связи с подобными же явлениями других народов и эпох, – предлагался и у нас многими учеными (например, В. И. Сергеевичем). Развитие этнографии вызвало стремление создать историческую этнографию и с точки зрения этнографической рассмотреть вооб-

ще явления нашей древнейшей истории (Н. И. Костомаров, 1817–1885). Интерес к истории экономического быта, выросший на Западе, сказался и у нас многими попытками изучения народно-хозяйственной жизни в разные эпохи (В. О. Ключевский и другие). Так называемый эволюционизм имеет и у нас своих представителей в лице современных университетских преподавателей.

Не только то, что вновь вносилось в научное сознание, двигало вперед нашу историографию. Пересмотр старых, уже разработанных вопросов давал новые выводы, ложившиеся в основание новых и новых изысканий. Уже в 70-х годах С. М. Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» яснее и доказательнее высказал свою старую мысль о том, что Петр Великий был традиционным деятелем и в своей работе реформатора руководился идеалами старых московских людей XVII в. и пользовался теми средствами, которые были подготовлены раньше его. Едва ли не под влиянием трудов именно Соловьева началась деятельная разработка истории Московской Руси, показывающая теперь, что допетровская Москва не была азиатски косным государством и действительно шла к реформе еще до Петра, который сам воспринял идею реформы из окружавшей его московской среды. Пересмотр старейшего из вопросов русской историографии – варяжского вопроса – озаряет новым светом начало нашей истории. Новые исследования по истории Западной Руси открыли перед нами любопытные и важные дан-

ные по истории и быту Литовско-Русского государства. Указанными примерами не исчерпывается, конечно, содержание новейших работ по нашему предмету; но эти примеры показывают, что современная историография трудится над темами весьма крупными. До попыток исторического синтеза, поэтому, может быть и недалеко.

В заключение историографического обзора следует назвать те труды по русской историографии, в которых изображается постепенное развитие и современное состояние нашей науки и которые поэтому должны служить предпочтительными руководствами для знакомства с нашей историографией: 1) К. Н. Бестужев-Рюмин. «Русская история» (2 т., конспективное изложение фактов и ученых мнений с очень ценным введением об источниках и историографии); 2) К. Н. Бестужев-Рюмин. «Биографии и характеристики» (Татищев, Шлёцер, Карамзин, Погодин, Соловьев и др.). СПб., 1882; 3) С. М. Соловьев. Статьи по историографии, изданные Товариществом «Общественная польза» в книге «Собрание сочинений С. М. Соловьева». СПб.; 4) О. М. Коялович. «История русского самосознания». СПб., 1884; 5) В. С. Иконников. «Опыт русской историографии» (том первый, книга первая и вторая). Киев, 1891; 6) П. Н. Милюков. «Главные течения русской исторической мысли» в «Русской мысли» за 1893 год (и отдельно).

Обзор источников русской истории

В обширном смысле слова исторический источник есть всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода, печатная книга, рукопись или, наконец, устное предание. Но в узком смысле источником мы называем печатный или письменный остаток старины, иначе говоря, той эпохи, которую изучает историк. Нашему ведению подлежат лишь остатки последнего рода.

Обзор источников может быть веден двумя путями: во-первых, он может быть простым логически-систематичным перечнем различных видов исторического материала, с указанием главнейших его изданий; во-вторых, обзор источников может быть построен исторически и совместит в себе перечень материала с обзором движения у нас археографических трудов. Второй путь ознакомления с источниками для нас гораздо интереснее, во-первых, потому, что здесь мы можем наблюдать появление археографических трудов в связи с тем, как в обществе развивался интерес к рукописной старине, и, во-вторых, потому еще, что здесь мы познакомимся с теми деятелями, которые собиранием материалов для родной истории составили себе вечное имя в нашей науке.

В эпоху допетровскую отношение к рукописям в грамотных слоях московского общества было самым внимательным, потому что в то время рукопись заменяла книгу, была

источником и знаний, и эстетических наслаждений и составляла ценный предмет обладания; рукописи постоянно переписывались с большой тщательностью и часто жертвовались перед смертью владельцами в монастыри «по душе»: жертвователю за свой дар просит монастырь или церковь о вечном поминовении его грешной души.

Акты законодательные и вообще все рукописи юридического характера, то есть то, что мы называли бы теперь официальными и деловыми бумагами, тоже ревниво сберегались.

Печатных законоположений, кроме Уложения царя Алексея Михайловича, тогда не существовало, и этот рукописный материал был как бы кодексом действовавшего права, руководством тогдашних администраторов и судей. Законодательство тогда было письменным, как теперь оно печатное. Кроме того, на рукописных же грамотах монастыри и частные лица основывали свои льготы и различного рода права. Понятно, что весь этот письменный материал был дорог в обиходе тогдашней жизни и что его должны были ценить и хранить.

В XVIII в. под влиянием новых культурных вкусов, с распространением печатной книги и печатных законоположений отношение к старым рукописям очень изменяется: упадок чувства их ценности замечается у нас в продолжение всего XVIII в. В XVII в. рукопись очень ценилась тогдашним культурным классом, а теперь в XVIII в. этот класс уступил место новым культурным слоям, которые к рукописным ис-

точникам старины относились презрительно, как к старому негодному хламу.

Духовенство также переставало понимать историческую и духовную ценность своих богатых рукописных собраний и относилось к ним небрежно. Обилие рукописей, перешедших из XVII в. в XVIII в., способствовало тому, что их не ценили.

Рукопись была еще, так сказать, вещью житейской, а не исторической и мало-помалу с культурных верхов общества, где прежде вращалась, переходила в нижние его слои, между прочим и к раскольникам, которых наш археограф П. М. Строев называл «попечителями наших рукописей». Старые же архивы и монастырские книгохранилища, заключавшие в себе массу драгоценностей, оставались без всякого внимания, в полном пренебрежении и упадке. Вот примеры уже из XIX в., которые показывают, как невежественно обращались с рукописной стариной ее владельцы и хранители. «В одной обители благочестия, к которой в исходе XVII в. было приписано более 15 других монастырей, – писал П. М. Строев в 1823 г., – старый ее архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбору, и я рылся в ней, как в развалинах Геркулана. Этому шесть лет. Следовательно, снег шесть раз покрывал эти рукописи и столько же на них таял, теперь верно осталась одна ржавая пыль...» Тот же Строев в 1829 г. доносил Академии наук, что архив старинного го-

рода Кевроля, по упразднении последнего перенесенный в Пинегу, «сгнил там в ветхом сарае и, как мне сказывали, последние остатки его не задолго перед сим (то есть до 1829 г.) брошены в воду».

Известный любитель и исследователь старины митрополит Киевский Евгений (Болховитинов, 1767–1837), будучи архиереем в Пскове, пожелал осмотреть богатый Новгородский-Юрьев монастырь. «Вперед он дал знать о своем приезде, – пишет биограф митрополита Евгения Ивановский, – и этим, разумеется, заставил начальство обители несколько посуетиться и привести некоторые из монастырских помещений в более благовидный порядок. Ехать в монастырь он мог одной из двух дорог: или верхней, более проезжей, но скучной, или нижней, близ Волхова, менее удобной, но более приятной. Он поехал нижней. Близ самого монастыря он встретился с возом, ехавшим к Волхову в сопровождении инок. Желая узнать, что везет инок к реке, он спросил. Инок отвечал, что он везет разный сор и хлам, который просто кинуть в навозную кучу нельзя, а надобно бросить в реку. Это возбудило любопытство Евгения. Он подошел к возу, велел приподнять рогожу, увидел порванные книжки и рукописные листы и затем велел иноку возвратиться в монастырь. В этом возу оказались драгоценные остатки письменности даже XI в.» (Ивановский. «Митрополит Евгений», с. 41–42).

Таково было у нас отношение к памятникам старины даже в XIX в. В XVIII в. оно было, конечно, не лучше, хотя

нужно отметить, что рядом с этим с начала уже XVIII столетия являются отдельные личности, сознательно относившиеся к старине. Сам Петр I собирал старинные монеты, медали и другие остатки старины, по западноевропейскому обычаю, как необыкновенные и курьезные предметы, как своего рода «монстры». Но, собирая любопытные вещественные остатки старины, Петр желал вместе с тем «ведать государства Российского историю» и полагал, что «о сем пер-
вее трудиться надобно, а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано». С 1708 г. по приказу Петра над сочинением русской истории (XVI и XVII вв.) трудился тогдашний ученый деятель Славяно-греко-латинской академии Федор Поликарпов, но труд его не удовлетворил Петра, а нам остался неизвестен. Несмотря, однако, на такую неудачу, Петр до конца своего царствования не оставлял мысли о полной русской истории и заботился о собрании для нее материала; в 1720 г. он приказал губернаторам пересмотреть все замечательные исторические документы и летописные книги во всех монастырях, епархиях и соборах, составить им описи и доставить эти описи в Сенат. А в 1722 г. Синоду было указано по этим описям отобрать все исторические рукописи из епархий в Синод и сделать с них списки. Но Синоду не удалось привести это в исполнение: большинство епархиальных начальств отвечало на запросы Синода, что у них нет таких рукописей, а всего в Синод было прислано до 40 рукописей, как можно судить по некоторым дан-

ным, и из них только 8 собственно исторических, остальные же духовного содержания. Так желание Петра иметь историческое повествование о России и собрать для этого материал разбилось о невежество и небрежность его современников.

Историческая наука родилась у нас позже Петра, и научная обработка исторического материала началась вместе с появлением у нас ученых немцев; тогда стало выясняться мало-помалу и значение рукописного материала для нашей истории. В этом последнем отношении неоценимые услуги нашей науке оказал известный уже нам Герард Фридрих Миллер (1705–1785). Добросовестный и трудолюбивый ученый, осторожный критик-исследователь и в то же время неутомимый собиратель исторических материалов, Миллер своей разнообразной деятельностью вполне заслуживает имя «отца русской исторической науки», какое ему дают наши историографы. Наша наука еще до сих пор пользуется собранным им материалом. В так называемых «портфелях» Миллера, хранящихся в Академии наук и в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, заключается более 900 номеров разного рода исторических бумаг. Эти портфели и теперь еще для исследователя составляют целое сокровище, и новые исторические труды часто черпают из них свои материалы; так, Археографическая комиссия до последнего времени наполняла его материалом некоторые из своих изданий (Сибирские дела в дополнениях к «Актам историческим»). Миллер собирал письменные памятники не в одной толь-

ко Европейской России, но и в Сибири, где он провел около 10 лет (1733–1743). Эти изыскания в Сибири дали важные результаты, потому что только здесь Миллеру удалось найти массу ценных документов о Смуте, которые были потом напечатаны в Собрании государственных грамот и договоров во II томе. При императрице Екатерине II Миллер был назначен начальником Архива Коллегии иностранных дел и имел от императрицы поручение составить собрание дипломатических документов по примеру Амстердамского издания Дюмона («Corps universel diplomatique du droit des Gens», 8 т., 1726–1731). Но Миллер был уже стар для такого грандиозного труда и, как начальник архива, успел только начать разбор и упорядочение архивного материала и приготовить целую школу своих учеников, которые по смерти учителя продолжали работать в этом архиве и вполне развернули свои силы позднее, в так называемую «Румянцевскую эпоху». Рядом с Миллером действовал Василий Никитич Татищев (1686–1750). Он намеревался писать географию России, но понимал, что география без истории невозможна, и потому решил сперва написать историю и обратился к собиранию и изучению рукописного материала. Собирая материалы, он нашел и первый оценил «Русскую Правду» и «Царский Судебник». Эти памятники, как и самая «История Российская» Татищева, изданы были уже после его смерти Миллером. Кроме собственно исторических трудов Татищев составил инструкцию для собирания этнографических, гео-

графических и археологических сведений о России. Эта инструкция была принята Академией наук.

Со времени Екатерины II дело собирания и издания исторического материала очень развилось. Сама Екатерина находила досуг для занятий русской историей, живо интересовалась русской стариной, поощряла и вызывала исторические труды. При таком настроении императрицы русское общество стало больше интересоваться своим прошлым и сознательнее относиться к остаткам этого прошлого. При Екатерине как собиратель исторического материала действует, между прочим, граф А. Н. Мусин-Пушкин, нашедший «Слово о полку Игореве» и старавшийся собрать из монастырских библиотек в столицу все рукописные летописи в видах их лучшего хранения и издания. При Екатерине начинаются многочисленные издания летописей в Академии наук и при Синоде, издания, впрочем, еще несовершенные и не научные. И в обществе начинается то же движение в пользу изучения старины.

В этом деле первое место занимает Николай Иванович Новиков (1744–1818), больше известный нашему обществу изданием сатирических журналов, масонством и заботами о распространении образования. По своим личным качествам и гуманным идеям это редкий в своем веке человек, светлое явление своего времени. Он нам уже известен как собиратель и издатель «Древней российской вивлиофики» – обширного сборника старых актов разного рода, летописцев,

старинных литературных произведений и исторических статей. Издание свое он начал в 1773 г. и в 3 года издал 10 частей.

В предисловии к «Вивлиофике» Новиков определяет свое издание как «начертание нравов и обычаев предков» с целью познать «великость духа их, украшенного простотою». (Надо заметить, что идеализация старины уже сильна была и в первом сатирическом журнале Новикова «Трутень», 1769–1770 гг.) Первое издание «Вивлиофики» теперь уже забыто ради второго, более полного, в 20 томах (1788–1791). Новикова в этом его издании поддерживала сама Екатерина II и деньгами, и тем, что допустила его к занятиям в Архиве Иностранной коллегии, где ему очень радушно помогал старик Миллер. По содержанию своему «Древняя российская вивлиофика» была случайным сводом под руку попавшегося материала, изданного почти без всякой критики и без всяких научных приемов, как мы их понимаем теперь.

В этом отношении еще ниже стоят «Деяния Петра Великого» курского купца Ив. Ив. Голикова (1735–1801), который с детства восторгался деяниями Петра, имел несчастье попасть под суд, но был освобожден по манифесту по случаю открытия памятника Петру. По этому поводу Голиков решил всю свою жизнь посвятить работе над биографией Петра. Он собирал все известия, какие только мог достать, без разбора их достоинств, письма Петра, анекдоты о нем и т. п. В начале своего собрания он поместил краткий обзор XVI и XVII вв.

На труд Голикова обратила внимание Екатерина и открыла ему архивы, но этот труд лишен всякого научного значения, хотя по недостатку лучших материалов им пользуются и теперь. Для своего же времени он был крупным археографическим фактом (1-е издание в 30 т., 1778–1798; 11-е издание в 15 т., 1838).

Кроме Академии и частных лиц, к памятникам старины обратилась деятельность и «Вольного Российского собрания», ученого общества, основанного при Московском университете в 1771 г. Это общество было очень деятельно в помощи отдельным ученым, открывая им доступ в архивы, сооружая ученые этнографические экспедиции и т. д., но само издавало немного памятников старины: в 10 лет оно выпустило только 6 книг своих «Трудов».

Такова, в самых общих чертах, деятельность второй половины прошлого века по собиранию и изданию материалов. Эта деятельность отличалась случайным характером, захватывала только тот материал, который, если можно так выразиться, сам шел в руки: забот о тех памятниках, которые были в провинции, не проявлялось. Сибирская экспедиция Миллера и собрание летописей, по мысли Мусина-Пушкина, были отдельными эпизодами исключительного характера, и историческое богатство провинции оставалось пока без оценки и внимания. Что же касается исторических изданий прошлого столетия, то они не выдерживают и самой снисходительной критики. Кроме разных технических подробно-

стей, мы требуем теперь от ученого-издателя, чтобы он пересмотрел по возможности все известные списки издаваемого памятника, выбрал из них древнейшие и лучшие, то есть с исправнейшим текстом, один из лучших положил в основу издания и печатал его текст, приводя к нему все варианты других исправных списков, избегая малейших неточностей и опечаток в тексте. Изданию должна предшествовать проверка исторической ценности памятника; если памятник окажется простой компиляцией, то лучше издать его источники, чем самую компиляцию. Но в XVIII в. на дело смотрели не так; считали возможным издавать, например, летопись по одному ее списку со всеми ошибками, так что теперь, по нужде, пользуясь некоторыми из изданий за неимением лучших, историк постоянно в опасности сделать ошибку, допустить неточность и т. п. Только Шлёцер теоретически устанавливал приемы ученой критики, да Миллер в издании «Степенной книги» (1775 г.) соблюдал некоторые из основных правил ученого издания. В предисловии к этой летописи он говорит о своих приемах издания: они у него научны, хотя еще не выработаны; но в этом его нельзя упрекать, — полная разработка критических приемов явилась у нас только в XIX столетии, и ей более всего способствовали ученики Миллера.

Старая, Миллер просил императрицу Екатерину назначить после его смерти начальником Архива Иностранной коллегии кого-нибудь из его учеников. Просьба его была ува-

жена, и после Миллера Архивом заведовали его ученики: сперва И. Стриттер, потом Н. Н. Бантыш-Каменский (1739–1814). Этот последний, составляя описание дел своего архива, на основании этих дел занимался и исследованиями, которые, к сожалению, далеко не все напечатаны. Они очень много помогали Карамзину при составлении «Истории государства Российского».

Когда в первые годы XIX столетия Архив Иностранной коллегии поступил в главное ведение графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), в архиве воспиталась уже целая семья археографов, и для Румянцева были готовы достойные помощники. Именем Румянцева означают целую эпоху в ходе нашего народного самопознания, и справедливо. Граф Н. П. Румянцев явился в ту самую пору, когда приготавлилась «История государства Российского» Карамзина, когда назревало сознание, что необходимо собирать и спасать остатки старой народной жизни, когда, наконец, явились и деятели по этой части с научными приемами. Граф Румянцев стал выразителем сознательного отношения к старине и, благодаря своему положению и средствам, явился центром нового историко-археологического движения, таким почтенным меценатом, пред памятью которого должны преклоняться и мы, и все грядущие поколения.

Родился Румянцев в 1754 г.; отцом его был знаменитый граф Румянцев-Задунайский.

Начал свою службу Николай Петрович в среде русских ди-

пломатов Екатерининского века и более 15 лет был чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франкфурте-на-Майне. При императоре Павле I хотя Румянцев и был в милости у императора, но не занимал никаких должностей и оставался не у дел.

При Александре I ему был дан портфель министра коммерции, а затем в 1809 г. поручено Министерство иностранных дел с сохранением поста министра коммерции.

С течением времени он был возведен в звание Государственного канцлера и назначен председателем Государственного совета. Во время управления Министерством иностранных дел и его Архивом сказала любовь Румянцева к старине, хотя почвы для нее по-видимому не было никакой. Уже в 1810 г. граф Николай Петрович предлагает Бантыш-Каменскому составить план издания Сборника государственных грамот и договоров. Этот план был скоро готов, и граф Румянцев ходатайствовал пред государем об учреждении, при Архиве Иностранной коллегии, Комиссии для напечатания «Государственных грамот и договоров». Все издержки по изданию он принимал на свой счет, но с условием, что комиссия останется в его ведении и тогда, когда он оставит управление ведомством иностранных дел. Желание его было исполнено, и 3 мая 1811 года комиссия была учреждена. Двенадцатый год задержал выпуск 1-го тома, но Бантыш-Каменский успел спасти вместе с архивом и напечатанные листы этого первого тома, и первый том вышел к 1813 г.

под заглавием «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел». На заглавном листе красовался герб Румянцева, как и на всех его прочих изданиях. Во вступлении к первому тому главный его редактор Бантыш-Каменский так объяснял потребности, вызвавшие издание, и цели, какие оно преследовало: «Испытатели древностей Российских и желавшие приобрести познание в дипломатике отечественной не могли довольствоваться неисправными и противоречащими отрывками грамот, в «Древней вивлиофике» помещенных, ибо потребно было полное собрание коренных постановлений и договоров, которое бы объясняло постепенность возвышения России. Не имев сего путеводства, они принуждены были допытываться о происшествиях и союзах своего государства у иностранных писателей и сочинениями их руководствоваться» (СГГид, т. 1, с. II). Слова эти справедливы, потому что издание гр. Румянцева было первым систематическим сводом-документом, с которым не могло соперничать ни одно предшествовавшее издание. В выпущенном (первом) томе были собраны замечательные грамоты времени 1229–1613 гг. С их появлением входила в научный оборот масса ценного материала, изданного добросовестно и роскошно.

Второй том Румянцевского собрания вышел в 1819 г. и включает в себе грамоты до XVI в. и документы Смутного времени. Бантыш-Каменский умер до выхода 2-го тома

(1814 г.), и вместо него работал над изданием Малиновский. Под его редакцией вышел в 1822 г. третий том, а в 1828-м, когда Румянцева уже не стало в живых, и четвертый. Оба эти тома заключают в себе документы XVII в. В предисловии ко 2-му тому Малиновский объявил, что издание грамот переходит в ведение Коллегии иностранных дел и зависит от ее распоряжений; однако и до сей поры дело не пошло далее начала пятого тома, который с недавнего времени обращается в продаже и заключает в себе дипломатические бумаги. Если бы деятельность Румянцева ограничилась только этим изданием (на которое он затратил до 40 000 р.), то и тогда бы память его жила вечно в нашей науке, — такое значение имеет этот сборник документов. Как историческое явление — это первый научный сборник актов, ознаменовавший собой начало у нас научного отношения к старине, а как исторический источник — это и до сих пор один из важнейших сводов материала, имеющий значение для основных вопросов общей истории нашего государства.

Стремясь так старательно к извлечению на свет архивного материала, граф Румянцев не был простым дилетантом, но обладал большой эрудицией в русских древностях и не переставал жалеть, что в нем поздно пробудились вкусы к старине, хотя их позднее появление не помешало ему потратить массу труда и материальных жертв на отыскание и спасение памятников. Общая сумма его издержек на научные цели доходила до 300 000 р. серебром. Он не раз на свой

счет отправлял научные экспедиции, сам совершал экскурсии в окрестностях Москвы, тщательно разыскивая всевозможные остатки старины, и щедро платил за каждую находку. Из его переписки видно, между прочим, что за одну рукопись он отпустил на волю целую крестьянскую семью. Высокое служебное положение Румянцева облегчало ему любимое дело и помогало вести его в самых широких размерах: так, он обращался ко многим губернаторам и архиереям, прося их указаний о местных древностях, и посылал им в руководство свои программы для собирания памятников старины. Мало того, он руководил изысканиями в заграничных книгохранилищах по части русской истории и, кроме русских памятников, хотел предпринять обширное издание иностранных писателей о России: им было отмечено до 70 иностранных сказаний о России, был составлен и план издания, но, к сожалению, это дело не состоялось. Но не одно дело собирания памятников интересовало канцлера; часто он оказывал поддержку и исследователям старины, поощряя их труд, а часто и сам вызывал молодые силы на исследования, ставя им научные вопросы и оказывая материальную поддержку. Перед смертью граф Румянцев завещал для общего пользования соотечественников свое богатое собрание книг, рукописей и других древностей. Император Николай I открыл это собрание для публики, под названием «Румянцевского музея», первоначально в Петербурге; но при императоре Александре II музей переведен был в Москву, где

и соединен с так называемым Публичным музеем в знаменитом Пашковом доме. Эти музеи – драгоценные хранилища нашей древней письменности. Так широка была деятельность графа Румянцева на поле нашей исторической науки. Стимулы ее заключались в высоком образовании этого человека и в его патриотическом направлении. У него было много ума и материальных средств для достижения его научных целей, но надо сознаться, что он не сделал бы многого из того, что сделал, если бы за ним не стояли в качестве его помощников замечательные люди того времени. Помощниками его были деятели Архива Коллегии иностранных дел. Начальниками Архива при Румянцеве были Н. Н. Бантыш-Каменский и Л. Ф. Малиновский, советами и трудами которых пользовался Н. М. Карамзин и которые очень много сделали для благоустройства своего архива. А из молодых ученых, начавших свою деятельность в этом архиве при Румянцеве, упомянем только самых видных: Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева. Оба они замечательно много сделали по числу и по значению их работ, трудясь над научным изданием памятников, собирая и описывая рукописи во всеоружии прекрасных критических приемов.

Биография Калайдовича малоизвестна. Родился он в 1792 г., жил немного – всего 40 лет – и кончил умопомешательством и почти нищетой. В 1829 г. Погодин писал о нем Строеву: «Калайдовича сумасшествие прошло, но оста-

лась такая слабость, такая ипохондрия, что нельзя смотреть на него без горести. Он в нужде...» В своей деятельности Калайдович почти всецело принадлежал к Румянцевскому кружку и был любимым сотрудником Румянцева. Он участвовал в издании «Собрания государственных грамот и договоров»; вместе со Строевым совершил в 1817 г. поездку по Московской и Калужской губерниям для разыскания старых рукописей. Это была первая по времени научная экспедиция в провинцию с исключительной целью – палеографической. Создалась она по почину графа Румянцева и увенчалась большим успехом. Строев и Калайдович нашли «Изборник» Святослава 1073 г., Илларионову «Похвалу Кагану Владимиру» и между прочим в Волоколамском монастыре Судебник Ивана III. Это была тогда полная новинка: Княжеского Судебника не знал никто в русской редакции, и Карамзин пользовался им в латинском переводе Герберштейна. Граф приветствовал находки и благодарил молодых ученых за их труды. Судебник был издан на его средства Строевым и Калайдовичем в 1819 г. («Законы Великого Князя Иоанна Васильевича и внука его Царя Иоанна Васильевича». Москва, 1819 г.; 2-е издание, Москва, 1878 г.). Кроме своих издательских трудов и палеографических разысканий, Калайдович известен и своими филологическими исследованиями («Иоанн, экзарх болгарский»). Ранняя смерть и печальная жизнь не дали этому таланту возможности вполне развернуть свои богатые силы.

В близком общении с Калайдовичем в дни юности был П. М. Строев. Строев, происходя из небогатой дворянской семьи, родился в Москве в 1796 г. В 1812 г. он должен был поступить в университет, но военные события, прервавшие ход университетского преподавания, помешали этому, так что только в августе 1813 г. стал он студентом. Замечательнейшими из учителей его здесь были Р. Ф. Тимковский (ум. 1820), профессор римской словесности, знаменитый изданием летописи Нестора (вышла в 1824 г., к изданию ее он применил приемы издания древних классиков), и М. Т. Каченовский (ум. 1842), основатель так называемой скептической школы. Тотчас по поступлении в университет, то есть в 17 лет, Строев уже составил «Краткую российскую историю», которая издана была в 1814 г., стала общепринятым учебником и через пять лет потребовала нового издания. В 1815 г. Строев выступает уже со своим собственным журналом «Современный наблюдатель российской словесности», который он думал сделать еженедельным и который выходил только с марта по июль. В конце того же 1815 года Павел Михайлович выходит из университета, не окончив курса, и поступает по предложению Румянцева в Комиссию печатания государственных грамот и договоров. Румянцев высоко ценил его и, как увидим, был прав. Кроме удачных кабинетных работ, Строев с 1817 по 1820 г. на средства Румянцева объезжает вместе с Калайдовичем книгохранилища Московской и Калужской епархий. Мы уже знаем, какие важные

памятники были тогда найдены. Кроме находок, было описано до 2000 рукописей, и Строев в этих поездках приобрел большое знание рукописного материала, которым он много помог Карамзину.

И после своих экспедиций, до конца 1822 г., Строев продолжает работать при Румянцеве. В 1828 г. Строев был избран действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете (это Общество учреждено было в 1804 г. для издания древних летописей). В заседании Общества 14 июля 1823 г. Строев выступил с грандиозным проектом. По поводу своего выбора он сказал блестящую речь, в которой благодарил за избрание, указал, что цель Общества – издание летописей – слишком узка, и предложил заменить ее разбором и изданием всех вообще исторических памятников, какими Общество будет иметь возможность располагать. «Общество должно, – говорил Строев, – извлечь, привести в известность и если не само обработать, то доставить другим средства обрабатывать все письменные памятники нашей истории и древней словесности...»

«Пусть целая Россия, – говорил он, – превратится в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей должны мы ограничить наши занятия, но бесчисленным множеством их в монастырях и соборных хранилищах, никем не хранимых и никем не описанных, в архивах, кои нещадно опустошают время и нерадивое невежество, в

кладовых и подвалах, не доступных лучам солнца, куда груды древних книг и свитков, кажется, снесены для того, чтобы грызущие животные, черви, ржа и тля могли истребить их удобнее и скорее!..» Строев, словом, предлагал Обществу привести в наличность всю письменную старину, какой располагали провинциальные библиотеки, и предлагал для достижения этой цели послать ученую экспедицию, чтобы описать провинциальные книгохранилища. Пробная поездка этой экспедиции должна была быть совершена по проекту Строева в Новгороде, где следовало разобрать находившуюся в Софийском соборе библиотеку. Далее, экспедиция должна была совершить свою первую или северную поездку, в район которой входили по плану Строева 10 губерний (Новгородская, Петербургская, Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Пермская, Костромская, Ярославская и Тверская). Эта поездка должна была занять два с лишним года и дать, как надеялся Строев, блестящие результаты, «богатую жатву», потому что на севере много монастырей с библиотеками; там жили и живут старообрядцы, которые очень внимательно относятся к рукописной старине; а затем, на севере меньше всего было неприятельских погромов. Вторая или средняя поездка, по проекту Строева, должна была занять два года времени и охватить среднюю полосу России (губернии: Московскую, Владимирскую, Нижегородскую, Тамбовскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую и Псковскую). Третья или западная поездка должна бы-

ла направиться в Юго-Западную Россию (9 губерний: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую, Киевскую, Харьковскую, Черниговскую, Курскую и Орловскую) и потребовала бы год времени. Этими поездками Строев надеялся достичь систематического описания всего исторического материала в провинции, преимущественно в духовных библиотеках.

Издержки он определял в сумме 7000 р. в год. Все составленные экспедицией описания он предполагал слить в одну общую роспись летописного и историко-юридического материала и предлагал Обществу издавать потом исторические памятники по лучшим из описанных экспедицией редакциям, а не по случайным спискам, как это делалось до того времени. Рисуя такие привлекательные перспективы, Строев искусно доказывал возможность исполнения своего проекта и настаивал на его принятии. Речь свою он закончил хвалой Румянцеву, благодаря которому он мог приобрести навык и опыт в археографическом деле. Конечно, Румянцевская экспедиция 1817–1820 гг. заставила Строева размышлять о той грандиозной экспедиции, какую он предлагал.

Общество, в своем большинстве, приняло речь Строева за смелую мечту молодого ума и дало Строеву средства для обозрения одной лишь Новгородской Софийской библиотеки, которая и была им описана. Речь Строева даже не была напечатана в журнале Общества, а появилась в «Северном архиве». Ее прочли и забыли. Сам Строев занимался

в то время историей донского казачества и составил свой известный «Ключ к Истории государства Российского» Карамзина, писал в журналах, поступил библиотекарем к графу Ф. А. Толстому, вместе с Калайдовичем составил и издал в свет каталог богатого собрания рукописей графа Ф. А. Толстого, ныне находящихся в Императорской публичной библиотеке. Труды Строева были замечены Академией наук, и она в 1826 г. дала ему звание своего корреспондента. Среди своих последних трудов Строев как будто забыл о своей речи: на самом же деле оказалось не так. По преданию, великая княгиня Мария Павловна с большим участием отнеслась к речи Строева, которую прочитала в «Северном архиве», и это участие, как говорят, побудило Строева обратиться с письмом к президенту Академии наук графу С. С. Уварову. В этом письме он развивает те же планы, которые развивал и в Обществе, предлагает себя, как опытного археографа, для археографических поездок и сообщает подробный план практического исполнения предлагаемого им дела. Уваров передал письмо Строева в Академию, Академия же – своему члену Кругу поручила его разбор и оценку. 21 мая 1828 г. благодаря прекрасному отзыву Круга важное дело было решено. Академия, признавая, что археографическая экспедиция есть «священная обязанность, от которой первое ученое заведение Империи не может уклониться, не подвергаясь справедливым упрекам в равнодушии», решила отправить Строева в путешествие, ассигновав 10 тыс.

р. ассигнациями. Археографическая экспедиция была таким образом учреждена. Выбор помощников для археографической экспедиции был предоставлен самому Строеву. Он выбрал двух чиновников Архива Министерства иностранных дел и заключил с ними очень любопытное условие, где, между прочим, писал следующее: «Экспедицию ожидают не забавы различные, но труды, трудности и лишения всякого рода. Поэтому спутники мои должны одушевиться терпением и готовностью переносить все тяжкое и неприятное, да не овладеют ими малодушие, нерешительность, ропот!»... Далее он предупреждает своих помощников, что им часто придется иметь дурную квартиру, телегу, вместо рессорного экипажа, не всегда чай и т. п. Строев, очевидно, знал, в какой обстановке будет он трудиться, и сознательно шел навстречу лишениям. Первые же его спутники, испытав трудности дела, через полгода от него отказались.

Приготовив все для поездки, запасшись официальными бумагами, которые должны были открыть ему вход во все архивы, Строев в мае 1829 г. выехал из Москвы к берегам Белого моря. Слишком долго было бы излагать любопытнейшие подробности этой экспедиции. Лишения, трудности сообщений и самой работы, убийственные гигиенические условия жизни и труда, болезни, подчас недоброжелательство и подозрительность невежественных хранителей архивов и библиотек, – все это стоически вынес Строев. Все-го себя отдавал он работе, часто удивительно трудной и су-

хой, и лишь изредка, пользуясь отпусками для отдыха на какой-нибудь месяц, возвращался к своей семье. Утешительно то, что в этих трудах он нашел себе достойного помощника в лице Як. Ив. Бередникова (1793–1854), которым он в 1830 г. и заменил прежних чиновников. Энергия этих двух тружеников достигла чудесных результатов; пять с половиной лет трудились они, изъездив всю северную и среднюю Россию, осмотрели более 200 библиотек и архивов, списали до 3000 историко-юридических документов, относящихся к XIV, XV, XVI и XVII вв., обследовали массу памятников летописного и литературного характера. Собранный ими материал, будучи переписан, занял 10 огромных фолиантов, а в их черновых портфелях осталась масса справок, выписок и указаний, которые позволили Строеву составить два замечательных труда, появившихся в печати уже после его смерти. (Это «Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви», всех, которых помнит история, и «Библиологический словарь или алфавитный перечень всех рукописей исторического и литературного содержания», какие только Строев видел на своем веку.)

За путешествием Строева следила вся образованная Россия. Ученые обращались к нему, прося выписок, указаний и справок. Сперанский, готовя тогда в печать «Полное Собрание Законов Российской Империи», обращался к Строеву за помощью в собирании указов. Ежегодно, 29 декабря, в день годовичного заседания Академии наук между прочим чи-

тались отчеты и о действиях археографической экспедиции. Сведения о ней помещались в журналах. Император Николай прочитывал «от доски до доски» большие тома переписанных набело актов, собранных экспедицией.

В конце 1834 г. Строев был близок к окончанию своего дела. Северная и средняя поездки его были окончены. Оставалась самая меньшая – западная, то есть Малороссия, Волынь, Литва и Белоруссия. В своем отчете Академии за 1834 г. Строев с торжеством заявлял об этом и, перечисляя результаты археографической экспедиции за все время ее существования, говорил: «От благоусмотрения Императорской Академии наук зависит: а) продолжать археографическую экспедицию в остальных областях Империи, дабы утвердить решительно: более сего нет, то есть нет неизвестного материала, или б) начать печатание актов историко-юридических, почти приготовленных, и собрание разных писаний (то есть летописных) по моим указаниям...» Этот отчет Строева читался в торжественном собрании Академии 29 декабря 1834 г., и почти в тот же день Строев узнал, что волей начальства (не Академии) археографическая экспедиция прекратила свое существование, что для разбора и издания добытых Строевым актов при Министерстве народного просвещения учреждена Археографическая комиссия. Строев был назначен простым членом этой комиссии наравне со своим прежним помощником Бередниковым и еще двумя

лицами, к экспедиции вовсе не причастными¹. Учреждением комиссии, скоро превратившейся в постоянную, начинается новая эра в издании памятников нашей старины.

Археографическая комиссия, которая была учреждена сначала с временной целью издания найденных Строевым актов, стала с 1837 г., как мы упомянули, постоянной комиссией для разбора и издания исторического материала вообще. Деятельность ее выразилась за все время ее существования многочисленными изданиями, из которых необходимо указать главнейшие. В 1836 г. издала она четыре первых своих фолианта под заглавиями: «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук». (В просторечии издание это носит название «Актов Экспедиции», а в ученых ссылках означает буквы АЭ.) В 1838 г. явились «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства» (один том). В этом издании помещены акты частного быта до XVIII в. В 1841 и 1842 гг. вышли пять томов «Актов исторических, собранных и изданных Археографической комиссией» (I т. – акты до XVII в., от II до V тома –

---

¹ Тяжело было Строеву видеть дорогое дело в чужом распоряжении; поэтому он скоро выходит из комиссии, поселяется в Москве, но невольно сохраняет с членами комиссии живые сношения. На первых порах комиссия много зависела от него в своей научной деятельности; для нее он продолжает работать и до конца жизни, разрабатывая московские архивы. Здесь под его руководством начинают свои труды всем известные И. Е. Забелин и Н. В. Кялачев. В то же время Строев продолжал трудиться и для Общества истории и древностей, описывая, между прочим, библиотеку Общества. Скончался он 5 января 1876 г., восьмидесяти лет.

акты XVII в.). Затем стали выходить «Дополнения к актам историческим» (всего XII томов, заключающих документы XII–XVII вв.). С 1846 г. комиссия принялась за систематическое издание «Полного собрания русских летописей». Довольно скоро успела она выпустить восемь томов (I том – Лаврентьевская летопись, II – Ипатьевская летопись, III и IV – Новгородская летопись, конец IV и V – Псковская, VI – Софийский временник, VII и VIII – Воскресенская летопись). Затем издание несколько замедлилось, и лишь через много лет вышли тома IX–XIV (заключающие в себе текст Никоновской летописи), а затем XV том (заключающий Тверскую летопись), XVI том (Летопись Авраамки), XVII (Западно-русские летописи), XIX (Степенная книга), XXII (Русский хронограф), XXIII (Ермолинская летопись) и др.

Весь этот материал, громадный по числу и по важности документов, оживил нашу науку. Почти исключительно на нем основывались многие монографии (например, прекрасные труды Соловьева и Чичерина), были уяснены вопросы древнего общественного быта, стала возможна разработка многих частных древней жизни.

После своих первых монументальных трудов комиссия продолжала деятельно работать. До сих пор ею выпущено более сорока изданий. Наибольшее значение, сверх уже названных, имеют: 1) «Акты, относящиеся к истории Западной России» (5 томов), 2) «Акты, относящиеся к истории Западной и Южной России» (15 томов), 3) «Акты, относящиеся

до юридического быта древней России» (3 тома), 4) «Русская историческая библиотека» (28 томов), 5) «Великие Минеи Четьи митрополита Макария» (до 20 выпусков), 6) «Писцовые книги» Новгородские и Ижорские XVII в., 7) «Акты на иностранных языках, относящиеся к России» (3 тома с дополнением), 8) «Сказания иностранных писателей о России» («*Rerum Rossicarum scriptores exteri*»; 2 тома) и т. д.

По образцу Императорской Археографической комиссии возникли такие же комиссии в Киеве и Вильне – как раз в тех местах, где не успел побывать Строев. Они занимаются изданиями и исследованиями местного материала и сделали уже очень много. Особенно успешно идет дело в Киеве. Помимо изданий археографических комиссий, мы располагаем еще целым рядом правительственных изданий. Второе отделение Канцелярии Его Величества не ограничилось изданием «Полного собрания законов Российской империи» (Законы от 1649 г. до настоящего времени), оно издало еще «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Европой» (10 томов), «Дворцовые разряды» (5 томов) и «Книги разрядные» (2 тома). Рядом с правительственной развернулась и частная деятельность по изданию древних памятников. Московское общество истории и древностей российских, которое во времена Строева едва влачило свое существование, ожило и постоянно заявляет о себе новыми изданиями. После «Чтений в Московском обществе истории и древностей», редактированных О. М. Бодян-

ским, оно издало под редакцией И. Д. Беляева «Временник Императорского Московского общества истории и древностей» (25 книг, заключающих богатый материал, исследования и целый ряд документов). В 1858 г. секретарем Общества был вновь избран Бодянский, который стал издавать по-прежнему «Чтения» вместо «Временника» Беляева. После Бодянского секретарем был избран в 1871 г. А. Н. Попов, а после смерти его в 1881 г. Е. В. Барсов, при которых и продолжаются те же «Чтения». Издавали и издают свои труды и археологические общества: Петербургское, называемое «Русским» (основано в 1846 г.), и Московское (основано в 1864 г.).

Занималось и занимается археологией и историей Географическое общество (в Петербурге с 1846 г.). Из его изданий для нас интересны в особенности «Писцовые книги» (2 тома под редакцией Н. В. Калачева). С 1866 г. работает (преимущественно над историей XVIII в.) Императорское русское историческое общество, которое успело издать уже до 150 томов своего «Сборника». Ученые исторические общества начинают основываться и в провинции, например: Одесское общество истории и древностей, губернские ученые архивные комиссии. Проявляется и деятельность отдельных лиц: частные собрания Муханова, князя Оболенского, Федотова-Чеховского, Н. П. Лихачева и др. заключают в себе очень ценные материалы. С 30-х и 40-х годов в наших журналах начинают печататься материалы для истории, являются даже

журналы, специально посвященные русской истории, например: «Русский архив», «Русская старина» и др.

Перейдем к характеристике отдельных видов исторического материала и прежде всего остановимся на источниках летописного типа, и в частности на летописи, так как ей главным образом мы обязаны знакомством с древнейшей историей Руси. Но для того, чтобы изучать летописную литературу, надобно знать употребительные в ней термины. В науке «летописью» называется погодный рассказ о событиях, местами краткий, местами более подробный, всегда с точным указанием лет. Летописи наши сохранились в огромном количестве экземпляров или списков XIV–XVIII вв. По месту и времени составления и по содержанию летописи делятся на разряды (есть Новгородские, Суздальские, Киевские, Московские). Списки летописи одного разряда разнятся между собой не только в словах и выражениях, но даже и в самом выборе известий, и часто в одном из списков известного разряда есть событие, которого нет в другом; вследствие этого списки делятся на редакции или изводы. Различия в списках одного разряда и навели наших историков на мысль, что летописи наши суть сборники и что их первоначальные источники не дошли до нас в чистом виде. Впервые эта мысль была выражена П. М. Строевым еще в 20-х годах в его предисловии к «Софийскому временнику». Дальнейшее знакомство с летописями привело окончательно к убеждению, что летописи, которые нам известны, представляют своды известий

и сказаний, компиляции из нескольких трудов. И теперь в науке господствует мнение, что даже древнейшие летописи суть компилятивные своды. Так, летопись Нестора есть свод XII в., Суздальская летопись – свод XIV века, Московские – своды XVI и XVII вв. и т. д.

Знакомство с летописной литературой начнем с так называемой летописи Нестора, которая начинается рассказом о расселении племен после потопа, а кончается около 1110 г.; заглавие ее таково: «Се повести временных лет (в иных списках прибавлено: черноризца Федосьева Печорского монастыря), откуда есть пошла Русская земля, кто в Киев пача первее княжити, и откуда Русская земля стала есть». Таким образом, по заглавию мы видим, что автор обещает сказать только следующее: кто первый стал княжить в Киеве и откуда произошла Русская земля. Самая история этой земли не обещана, и между тем она ведется до 1110 г. После этого года мы читаем в летописи следующую приписку: «Игумен Селивестр Святого Михаила, написав книги си летописец, надеяся от Бога милость принятия, при князе Володимире княжащу ему в Киеве, а мне то время игуменящу у Св. Михаила в 6624, индикта 9 лета (то есть в 1116 г.)». Выходит, что автором летописного свода был Сильвестр, по другим же данным не Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря, написал летопись, известную под названием «Повести временных лет», а монах Печерского монастыря Нестор; еще Татищев приписывал ее Нестору. В древнем «Патерике Печерском» мы чи-

таем рассказ о том, что Нестор пришел в монастырь, к Феодосию, 17 лет был им пострижен, писал летопись и умер в монастыре. В летописи же под 1051 г. в рассказе о Феодосии летописец говорит о себе: «К нему же (Феодосию) и аз приидох худый и прият мя лет ми сушу семнадцати». Далее, под 1074 г. летописец передает рассказ о великих подвижниках Печерских и по поводу их подвигов говорит, что многое он слышал от монахов, а другое «и самовидец бых». Под 1091 г. летописец от своего лица рассказывает о том, как при нем и даже с его участием печерская братия перенесла на новое место мощи св. Феодосия; в рассказе этом летописец называет себя «рабом и учеником» Феодосия. Под 1093 г. следует рассказ о нападении половцев на Киев и о взятии ими Печерского монастыря, рассказ целиком веденный в 1-м лице. Затем под 1110 г. мы находим вышеприведенную приписку Сильвестра игумена не Печерского, а Выдубицкого монастыря.

На том основании, что автор летописи говорит о себе как о печерском монахе, и ввиду того, что известия, посторонние летописи, называют в Печерском монастыре летописцем монаха Нестора, Татищев так уверенно приписывал летопись до 1110 г. Нестору, а Сильвестра считал только переписчиком ее. Мнение Татищева встретило поддержку в Карамзине, но с той лишь разницею, что первый думал, что Нестор довел летопись только до 1093 г., а второй – до 1110-го. Таким образом, вполне установилось мнение, что летопись

принадлежала перу одного лица из печерской братии, составлявшего ее вполне самостоятельно. Но Строев, при описании рукописей графа Толстого, открыл греческую хронику Георгия Мниха (Амартола), которая местами оказалась дословно схожей с введением к летописи Нестора. Такой факт осветил этот вопрос с совершенно новой стороны, явилась возможность указать и изучить источники летописи. Строев первый и намекнул, что летопись есть не что иное, как свод разного историко-литературного материала. Автор ее действительно сводил и греческие хроники, и русский материал: краткие монастырские записи, народные предания и т. д. Мысль, что летопись есть компилятивный сборник, должна была вызвать новые изыскания. Многие историки занялись исследованием достоверности и состава летописи. Этому вопросу посвящал свои ученые статьи и Каченовский. Он пришел к тому выводу, что первоначальная летопись составлена не Нестором и вообще нам не известна. Известные нам летописи, по словам Каченовского, суть «сборники XIII или даже XIV столетия, коих источники большей частью нам неизвестны». Нестор, по своему образованию, живя в эпоху общей грубости, не мог составить ничего подобного дошедшей до нас обширной летописи; ему могли принадлежать только те вставленные в летопись «монастырские записки», в которых он, как очевидец, повествует о жизни своего монастыря в XI в. и говорит о самом себе. Мнение Каченовского вызвало основательные возражения со стороны Погоди-

на. (См. «Исследования, замечания и лекции» Погодина, т. I. М., 1846.) Погодин утверждает, что если мы не сомневаемся в достоверности летописи начиная с XIV в., то не имеем основания сомневаться и в показаниях летописи о первых веках. Идя от достоверности позднейшего рассказа летописи, Погодин восходит все в большую и большую древность и доказывает, что и в древнейшие века летопись совершенно верно изображает события и состояния гражданственности. Скептические взгляды на летопись Каченовского и его учеников вызвали в защиту летописи книгу Буткова («Оборона летописи русской». М., 1840) и статьи Кубарева («Нестор» и о «Патерике Печерском»). Трудami этих трех лиц, Погодина, Буткова и Кубарева, утвердилась в 40-х годах мысль, что именно Нестору, жившему в XI в., принадлежит древнейший летописный свод. Но в 50-х годах это убеждение стало колебаться. Трудami П. С. Казанского (статьи во «Временнике Московского общества истории и древностей»), Срезневского («Чтения о древних русских летописях»), Сухомлинова («О древней русской летописи, как памятнике литературном»), Бестужева-Рюмина («О составе древнерусских летописей до конца XIV века»), А. А. Шахматова (статьи в научных журналах и громадное по объему и очень важное по ученому значению исследование «Розыскания о древнейших русских летописных сводах», вышедшее в 1908 г.) вопрос о летописи был поставлен иначе: к исследованию ее были привлечены новые историко-литературные материалы

(несомненно принадлежащие Нестору жития и проч.) и приложены новые приемы. Компилятивный, сводный характер летописи был установлен вполне, источники свода были указаны очень определенно; сличение трудов Нестора с показаниями летописи обнаружило противоречия. Вопрос о роли Сильвестра, как собирателя летописного свода, стал серьезнее и сложнее, чем был раньше. В настоящее время первоначальную летопись ученые представляют себе как свод нескольких литературных произведений, составленных разными лицами, в разное время, из разнообразных источников. Эти отдельные произведения в начале XII в. были не раз соединяемы в один литературный памятник, между прочим, тем самым Сильвестром, который подписал свое имя. Внимательное изучение первоначальной летописи и позволило наметить в ней весьма многие составные части, или, точнее, самостоятельные литературные произведения. Из них всего заметнее и важнее: во-первых, собственно «Повесть временных лет» – рассказ о расселении племен после потопа, о происхождении и расселении племен славянских, о делении славян русских на племена, о первоначальном быте русских славян и о водворении на Руси варяжских князей (только к этой первой части летописного свода и может относиться заглавие свода, приведенное выше: «Се повести временных лет и проч.»); во-вторых, обширный рассказ о крещении Руси, составленный неизвестным автором, вероятно, в начале XI в., и, в-третьих, летопись о событиях XI в., которую приличнее

всего назвать Киевской первоначальной летописью. В составе этих трех произведений, образовавших свод, и особенно в составе первого и третьего из них, можно заметить следы других, более мелких литературных произведений, «отдельных сказаний», и, таким образом, можно сказать, что наш древний летописный свод есть компиляция, составленная из компиляций, настолько сложен его внутренний состав.

Знакомясь с известиями Лаврентьевского списка, древнейшего из тех, которые содержат в себе так называемую Нестерову летопись (он написан монахом Лаврентием в Суздале в 1377 г.), мы замечаем, что за 1110 г., за летописью первоначальной, в Лаврентьевском списке идут известия, по преимуществу относящиеся к Северо-Восточной Суздальской Руси; значит, здесь мы имеем дело с летописью местной. Ипатьевский список (XIV–XV вв.) за первоначальной летописью дает нам очень подробный рассказ о событиях киевских, а затем внимание летописи сосредоточивается на событиях в Галиче и Волынской земле; и здесь, стало быть, мы имеем дело с местными же летописями. Этих местных областных летописей дошло до нас очень много. Виднейшее место между ними занимают летописи Новгородские (их несколько редакций и есть очень ценные) и Псковские, доводящие свой рассказ до XVI, даже XVII в. Немалое значение имеют и летописи Литовские, дошедшие в разных редакциях и освещающие историю Литвы и соединенной с ней Руси в XIV и XV вв.

С XV в. являются попытки собрать в одно целое исторический материал, разбросанный в этих местных летописях. Так как эти попытки совершались в эпоху Московского государства и часто официальными средствами правительства, то они слывут под именем Московских сводов или Московских летописей, тем более что дают обильный материал именно для Московской истории. Из этих попыток более ранняя – «Софийский временник» (две редакции), который соединяет известия Новгородских летописей с известиями Киевской, Суздальской и других местных летописей, дополняя этот материал отдельными сказаниями исторического характера.

«Софийский временник» относится к XV в. и представляет собой чисто внешнее соединение нескольких летописей, соединение под определенным годом всех относящихся к последнему данных безо всякой их переработки. Такой же характер простого соединения материала из всех доступных составителю летописей имеет «Воскресенская летопись», возникшая в начале XVI в. Воскресенский свод сохранил до нас в чистом виде массу ценных известий по истории удельной и московской эпох, почему и может быть назван самым богатым и надежным источником для изучения XIV–XV вв. Иной характер имеют «Степенная книга» (составленная лицами, близкими к митрополиту Макарию, XVI в.) и «Никоновская летопись» с «Новым Летописцем» (XVI–XVII вв.). Пользуясь тем же материалом, как и

прежде названные своды, эти памятники дают нам этот материал в переработанном виде, с риторикой в языке, с известными тенденциями в освещении фактов. Это первые попытки обработки исторического материала, вводящие нас уже в историографию. Позднейшее русское летописание пошло в Московском государстве двумя путями. С одной стороны, оно стало официальным делом, – при дворе московском записывались погодно дворцовые и политические события (летописи времени Грозного, например: Александро-Невская, Царственная книга и вообще последние части Московских сводов – Никоновского, Воскресенского, Львовского), а с течением времени и самый тип летописей стал изменяться, они стали заменяться так называемыми разрядными книгами. С другой стороны, в разных местностях Руси стали являться летописи строго местного, областного, даже городского характера, в большинстве лишенные значения для политической истории (таковы Нижегородская, Двинская, Угличская и др.; таковы до некоторой степени и Сибирские).

С XVI в., рядом с летописями, возникает новый вид исторических произведений: это – хронографы или обзоры истории всемирной (точнее, библейской, византийской, славянской и русской). Первая редакция хронографа была составлена в 1512 г., преимущественно на основании греческих источников с дополнительными сведениями по русской истории. Она принадлежала псковскому «старцу Филофею». В 1616–1617 гг. был составлен хронограф 2-й редакции. Это

произведение интересно в том отношении, что более древние события изображает на основании первой редакции хронографа, а русские — начиная с XVI, XVII вв. — описывает заново, самостоятельно. Автор его, несомненно, обладает литературным талантом, и кто хочет ознакомиться с древнерусской риторикой в ее удачных образцах, должен прочитать статьи по русской истории в этом хронографе. В XVII в. московское общество начинает проявлять особенную склонность к хронографам, которые растут в большом количестве. Погодин в свою библиотеку собрал их до 50 экземпляров; нет сколько-нибудь крупного собрания рукописей, где бы их не считали десятками. Распространенность хронографов легко объяснить: краткие по системе изложения, написанные литературным языком, они давали русским людям те же сведения, что и летописи, но в более удобном виде.

Кроме собственно летописей, в древнерусской письменности можно найти много литературных произведений, служащих источниками для историка. Можно даже сказать, что вся древнерусская литературная письменность должна рассматриваться как исторический источник, и часто трудно бывает предугадать, из какого литературного труда историк почерпнет лучшее разъяснение интересующего вопроса. Так, например, смысл сословного наименования Киевской Руси «огнищанин» толкуется в историографии не только из памятников законодательства, но и из древнего славянского текста поучений св. Григория Богослова, в котором встре-

чаем архаическое речение «огнище» в смысле «рабы», «челядь» («гредящеися многы огнищи и стады»). Переводы священных книг, сделанные князем А. М. Курбским, дают материал для биографии и характеристики этого знаменитого деятеля XVI в. Но при таком значении всего историко-литературного материала некоторые его виды имеют все-таки особенный интерес для историка; таковы отдельные сказания о лицах и фактах, носящие на себе характер то исторический, то публицистический. Ряд исторических сказаний целиком занесен в наши летописные своды: таковы, например, сказания о крещении Руси, об ослеплении князя Василька, о битве на Липице, о Батыевом нашествии, о Куликовской битве и много других. В отдельных списках или также сборниках дошли до нас любопытные публицистические произведения Древней Руси, которыми особенно богат был XVI век; из них видное место занимает «История», написанная князем А. М. Курбским о Грозном; памфлетические произведения так называемого Ивашки Пересветова, защитника правительственной системы Грозного; «Повесть некоего боголюбивого мужа», бывшего противником этой системы; «Беседа Валаамских чудотворцев», в которой видят произведение боярской среды, недовольной московскими порядками, и т. п. Рядом с публицистикой в XVI–XVII вв. продолжала существовать и развиваться историческая письменность, выражаясь рядом любопытных повестей и сказаний, принимавших часто крупные внешние объемы. Такова, на-

пример, составленная в XVI в. «История о Казанском царстве», излагающая историю Казани и падение ее в 1552 г. В XIII томе «Русской исторической библиотеки» издана целая серия русских повестей о Смутном времени, из которых многие давно уже стали известны исследователям Смуты. Среди десятков этих повестей выдаются: 1) так называемое «Иное сказание», представляющее собой политический памфлет, вышедший из партии Шуйских в 1606 г.; 2) Сказание келаря Троице-Сергеевой лавры Авраамия Палицына, написанное в окончательном виде в 1620 г.; 3) Временник Ивана Тимофеева, очень любопытная хроника Смуты; 4) Повесть князя И. Мих. Катырева-Ростовского, отмеченная печатью большого литературного таланта; 5) «Новый Летописец» – попытки фактического обзора Смутной эпохи и т. д. К более поздней эпохе относятся сказания о взятии Азова казаками, описание Московского государства, сделанное Г. К. Котошихиным в 60-х годах XVII в., и, наконец, целый ряд записок русских людей (князя С. И. Шаховского, Баима Болтина, А. А. Матвеева, С. Медведева, Желябужского и др.) о времени Петра Великого. Этими записками открывается бесконечный ряд мемуаров русских деятелей, принимавших участие в правительственной деятельности и общественной жизни XVIII и XIX столетий. Общеизвестность некоторых мемуаров (Болотова, Дашковой) избавляет от необходимости перечислять виднейшие из них.

Рядом с историческими сказаниями в качестве историче-

ского источника стоят сказания агиографические или жития святых и повествования о чудесах. Не только самое житие святого дает иногда ценные исторические показания об эпохе, в которую жил и действовал святой, но и в «чудесах» святого, приписанных к житию, историк находит важные указания об обстоятельствах того времени, когда совершались чудеса. Так, в житии Стефана Сурожского одно из повествований о чуде святого дает возможность установить существование народа русь и его действия в Крыму ранее 862 г., когда, по летописи, русь была призвана в Новгород с Рюриком. Безыскусственная форма древнейших житий дает особую ценность их показаниям, но с XV в. вырабатываются особые приемы писания житий, заменяющие риторикой фактическую содержательность и искажающие смысл факта в угоду литературной моде. Жития (св. Сергия Радонежского, Стефана Пермского), составленные в XV в. Епифанием Премудрым, уже страдают риторикой, хотя и отмечены литературным талантом и силой искреннего чувства. Больше риторики и холодной условности в житиях, составленных учеными сербами, жившими на Руси в XV в.: митрополитом Киприяном и монахом Пахомием Логофетом. Сочинения их создали на Руси условную форму житийного творчества, распространение которой заметно на житиях XVI и XVII вв. Эта условная форма, подчиняя себе содержание житий, лишает их показания свежести и точности.

Мы закончим перечень исторических источников литера-

турного типа, если упомянем о большом числе тех записок о России, которые были в разные века составлены иностранцами, посещавшими Русь. Из сказаний иностранцев заметнее труды: католика-монаха Плано Карпини (XIII в.), Сигизмунда Герберштейна (начало XVI в.), Павла Иовия (XVI в.), Иеронима Горсея (XVI в.), Гейденштейна (XVI в.), Флетчера (1591 г.), Маржерета (XVII в.), Конрада Буссова (XVII в.), Жолкевского (XVII в.), Олеария (XVII в.), фон Мейерберга (XVII в.), Гордона (конец XVII в.), Корба (конец XVII в.). Для истории XVIII в. большое значение имеют дипломатические депеши западноевропейских послов при русском дворе и бесконечный ряд мемуаров иностранцев, знакомых с русскими делами. Наряду с сочинениями иностранных писателей, знавших Россию, следует упомянуть и тот иноземный материал, которым пользуются историки при изучении первых страниц истории славян и Руси. Начало нашей исторической жизни нельзя, например, изучать без знакомства с арабскими писателями (IX–X вв. и позднее), знавшими хазар, русь и вообще народы, обитавшие на нашей равнине; одинаково необходимо пользоваться сочинениями и византийских писателей, хорошее знакомство с которыми в последнее время дает особенные результаты в трудах В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других наших византистов. Наконец, сведения о славянах и руссах находятся у средневековых писателей западноевропейских и польских: готского историка Иордана (VI в.), польских Мартина Галла (XII в.), Яна Длу-

гоша (XV в.) и других.

Перейдем к памятникам юридического характера, к памятникам правительственной деятельности и гражданского общежития. Этот материал обыкновенно зовется актами и грамотами и во множестве хранится в правительственных архивах (из которых замечательны: в Москве – Архив Министерства иностранных дел и Архив Министерства юстиции, в Петрограде – архивы Государственный и Сенатский, наконец, архивы в Вильне, в Витебске и Киеве). Чтобы освоиться с архивным материалом, следует его по возможности точно классифицировать, но памятников юридического характера до нас дошло так много и они так разнообразны, что это довольно трудно сделать. Мы можем отметить только главные виды: 1) Государственные акты, то есть все документы, которые касаются важнейших сторон государственной жизни, например, договоры. Памятники этого рода сохранились у нас от самого начала нашей истории, это замечательные договоры с греками Олега и последующих князей. Далее, ряд междукняжеских договоров дошел до нас от XIV–XVI вв. В этих договорах определяются политические отношения древнерусских князей. Рядом с договорными грамотами надо поставить грамоты душевные, то есть духовные завещания князей. До нас, например, дошли два духовных завещания Ивана Калиты. Первое написано перед поездкой в орду, второе перед смертью. В них он делит все имущество между сыновьями и поэтому перечисляет его. Таким образом, душев-

ная грамота является подробнейшим перечнем земельных владений и имущества русских князей и с этой точки зрения представляет весьма ценный исторический и географический материал.

Задушевыми грамотами упомянем грамоты избирательные. Первая из них относится к избранию Бориса Годунова на московский престол (ее составление приписывают патриарху Иову); вторая – к избранию Михаила Феодоровича Романова. Наконец, к государственным актам должны быть отнесены памятники древнерусского законодательства. К ним прежде всего следует отнести «Русскую Правду», поскольку ее можно признавать актом правительственной деятельности, а не частным сборником. Затем сюда же относятся Судные грамоты Новгорода и Пскова, утвержденные вечем; они заключают ряд установлений по судебным делам. Таким же характером отличается и Судебник Ивана III 1497 г. (называемый первым или княжеским). В 1550 г. за этим судебником последовал второй или царский Судебник Ивана Грозного, более полный, а через 100 лет после него в 1648–1649 гг. было составлено Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, которое было сравнительно уже очень полным кодексом действовавшего тогда права. Рядом со сборниками светского законодательства действовали в сфере церковного суда и администрации сборники законодательства церковного (Кормчая книга или Номоканон и др.); эти сборники составлены были в Византии, но в течение веков поне-

многу приноравлявались к особенностям русской жизни. 2) Вторым видом историко-юридического материала являются административные грамоты: это отдельные правительственные распоряжения, даваемые или на частные случаи административной практики, или отдельным лицам и общинам для того, чтобы определить отношения этих лиц и общин к власти. Из таких грамот некоторые имели довольно широкое содержание – например, грамоты уставные и губные, определявшие порядок самоуправления целых волостей. В большинстве же это отдельные распоряжения правительства по текущим делам. В Московском государстве законодательство развивалось именно путем накопления отдельных законоположений, из которых каждое, возникая по поводу частного случая, обращалось затем в прецедент для всех подобных случаев, становилось постоянным законом. Такой казуистический характер законодательства создал в Москве так называемые Указные книги Приказов или отдельных ведомств, каждое ведомство записывало у себя в хронологическом порядке царские указы, которые его касались, и возникала «Указная книга», становившаяся руководством для всей административной или судебной практики ведомства. 3) Третьим видом юридического материала можно считать челобитья, то есть те просьбы, которые по разным делам подавались правительству. Право челобитий ничем не было стеснено в Древней Руси до середины XVII в., и законодательная деятельность правительства зачастую была прямым

ответом на челобитья; отсюда ясно большое историческое значение челобитий, — они не только знакомят с нуждами и бытом населения, но объясняют и направление законодательства. 4) На четвертом месте помянем грамоты частного гражданского быта, в которых отражались личные и имущественные отношения частных лиц, — кабальные записи, купчие и т. п. 5) Далее, особым видом памятников можно считать памятники судопроизводства, в которых находим много данных для истории не только суда, но и тех гражданских отношений, той реальной жизни, которых касался суд. 6) Наконец, особое место в ряду источников занимают так называемые Приказные книги (один вид их — Указные книги — уже упомянут). Приказных книг было много видов, и нам следует ознакомиться только с важнейшими в историческом отношении. Любопытнее всех книги писцовые, содержащие в себе поземельную опись уездов Московского государства, производившуюся с податными целями; книги переписные, содержащие в себе перепись людей податных классов населения; книги кормленные и десяти, заключающие в себе переписи придворных и служилых людей с указаниями на их имущественное положение; книги разрядные (и так называемые дворцовые разряды), в которых записывалось все, что относилось к придворной и государственной службе боярства и дворянства (иначе говоря, это дневники придворной жизни и служебных назначений).

Если мы упомянем о материалах для истории диплома-

тических сношений («наказы», то есть инструкции послам, «статейные списки», то есть дневники переговоров, отчеты послов и т. п.), то историко-юридические памятники будут нами перечислены с достаточной полнотой. Что касается до этого рода памятников Петровской Руси, то их терминология и классификация в XVIII в. в главных чертах настолько мало разнится от современной нам, что не требует пояснений.

Часть первая

Предварительные исторические сведения

Древнейшая история нашей страны

В настоящее время нет нужды указывать на то, что природа страны влияет на быт народа, обуславливает особенности народного хозяйства, налагает свой отпечаток и на весь ход исторического развития общества. Тот, кто хотел бы познакомиться с вопросом о влиянии нашей страны на расселение, быт и историю русского племени, найдет прекрасный материал в 1-м томе «Истории России» С. М. Соловьева и в «Курсе русской истории» профессора Ключевского: эти историки с особенным вниманием останавливаются на объяснении того значения, какое имела наша равнина в качестве исторического фактора. В нашем курсе мы можем дать лишь намеки на главнейшие стороны вопроса. Прежде всего мы отметим, что равнинность страны и обилие речных путей, идущих в разные стороны, должны были содейство-

вать широкому расселению славян, должны были облегчать и даже вызывать тот грандиозный процесс колонизации, которым славянское племя осваивало громадные пространства земель. Факт колонизации – один из самых важных фактов нашей истории, многое объясняющий историку в сфере народного хозяйства и в сфере народного права. Далее, плодородная почва страны и обилие лесов должны были развить земледельческий и лесной промыслы, тогда как реки, вытекавшие из центра равнины во все четыре окраинных моря, должны были содействовать зарождению и развитию торговли и внутри страны, и с соседними странами. Так, особенности страны предопределяли разнообразие хозяйственной деятельности народа.

Но, давая широкий простор для передвижения жителей, содействуя сложению их в крупные общества, природа страны в то же время не охраняла эти общества от чуждых вторжений. Ничем не защищенные со стороны Азии, наши предки не раз делались жертвами диких азиатских кочевников и в природе не имели верного союзника против этих врагов. В первые века нашей истории, как мы знаем, киевские князья искусственной границей, цепью укреплений обороняли свою землю от степных кочевников; позднее московские государи создали такую же искусственно укрепленную границу («черту», «берег») от татар. Так, рядом с условиями, содействующими успехам народной жизни, страна создала и условия, противодействующие этим успехам.

Условия русского юга, благоприятные для развития человеческой деятельности, очень рано привлекали туда разнородное население. На всем пространстве Южной России находится громадное количество «древностей», то есть памятников, оставшихся от древнейшего населения, в виде отдельных погребальных насыпей (курганов), целых кладбищ (могильников), развалин городов и укрепленных мест (городищ), различных предметов быта (посуды, монет, драгоценных украшений) и т. п. Наука об этих древностях (археология) успела определить, каким именно народностям принадлежат те или другие предметы древности. Древнейшие из них и самые замечательные суть памятники греческие и скифские. Из истории древней Эллады известно, что на северных берегах Черного моря (или Евксинского Понта, как называли его греки) возникло много греческих колоний, по преимуществу на устьях больших рек и при удобных морских бухтах. Из этих колоний наиболее известны: Ольвия при устье р. Буга, Херсонес (по-старорусски Корсунь) в окрестностях нынешнего Севастополя, Фанагория на Таманском полуострове, Пантикапей на месте нынешней Керчи, Танаис в устьях р. Дона. Колонизуя морское побережье, древние греки обыкновенно не удалялись от морского берега в глубь страны, а предпочитали привлекать туземцев на свои береговые рынки. На черноморских берегах было то же самое: названные города не распространили своих владений внутрь материка, но тем не менее подчинили местных жите-

лей своему культурному влиянию и привлекли их к оживленному торговому обмену. От туземцев варваров, которых греки называли скифами, они приобретали местные продукты, главным образом хлеб и рыбу, и отправляли в Элладу, а взамен продавали туземцам предметы греческого производства (ткани, вино, масло, предметы роскоши). Торговля сблизила греков с туземцами настолько, что образовались смешанные, так называемые «элинно-скифские» поселения, а в Пантикапее в V в. до Р. Х. возникло даже значительное государство, называемое Боспорским (от имени пролива Боспора Киммерийского). Под властью боспорских царей то греческого, то местного происхождения объединились некоторые греческие города побережья и туземные племена, жившие у моря от Крыма до предгорий Кавказа.

Боспорское царство и города Херсонес и Ольвия достигли значительного процветания и оставили после себя ряд замечательных памятников. Раскопки, предпринятые в Керчи на месте древнего Пантикапея, в Херсонесе и Ольвии, открыли остатки городских укреплений и улиц, отдельных жилищ и храмов (языческой и позднейшей христианской поры). В погребальных склепах обнаружено много предметов греческого искусства иногда громадной художественной ценности. Золотые украшения тончайшей работы и роскошные вазы, добытые этими раскопками, составляют единственное в мире, по художественному значению и по количеству предметов, собрание Императорского Эрмитажа в Петрограде, рас-

положенное в его нижних залах. Рядом с типичными вещами афинской работы (например, расписные вазы с рисунками на чисто греческие темы) встречаются в этом собрании предметы, сработанные греческими мастерами на местный фасон, по-видимому, по заказу местных «варваров». Так, золотые ножны, сделанные для скифского меча, непохожего на греческие мечи, украшались чисто греческим орнаментом по вкусу мастера-грека. Металлические или глиняные вазы, сделанные по греческим образцам, снабжались иногда рисунками не греческого характера, а скифского, «варварского»: на них изображались фигуры туземцев и сцены из скифского быта. Две такие вазы пользуются мировой известностью. Одна из них, золотая, вырыта из склепа в кургане Куль-Оба около г. Керчи; другая, серебряная, оказалась в большом кургане близ села Никополя на нижнем Днепре у реки Чертомлыка. На обеих вазах художественно представлены целые группы скифов в их национальной одежде и вооружении. Такая же серебряная ваза с фигурами скифов была найдена недавно в Воронежской губернии. В 1913 г. профессору Н. И. Веселовскому посчастливилось найти ряд замечательнейших предметов греческого искусства в кургане Солоха на нижнем Днепре. Между ними первое место принадлежит золотому гребешку с литыми изображениями пеших и конных воинов, греков и скифов, в момент их боя. Столь же замечательно серебряное налучье (колчан) с рельефными фигурами сражающихся скифов.

Таким образом, греческое искусство служило вкусом местных «варваров». Для нас это обстоятельство важно потому, что мы получаем возможность непосредственно познакомиться с внешним видом тех скифов, с которыми имели дело греки на Черноморском побережье. В превосходно изваянных или нарисованных греческими мастерами фигурах скифских воинов и наездников мы отчетливо различаем черты арийского племени и, всего скорее, иранской его ветви. Из описаний скифского быта, оставленных греческими писателями, и из скифских погребений, раскопанных археологами, можно сделать тот же вывод. Греческий историк Геродот (V в. до Р. Х.), рассказывая о скифах, делит их на много племен и различает между ними кочевников и земледельцев. Первых он помещает ближе к морю в степях, а вторых — западнее и севернее, примерно на среднем течении Днепра. Земледелие было настолько развито у некоторых скифских племен, что они торговали зерном, доставляя его в громадном количестве в греческие города для отправки в Элладу. Известно, например, что Аттика получала половину необходимого ей количества хлеба именно от скифов через Боспорское царство. Тех скифов, которые торговали с греками, и тех, которые кочевали вблизи от моря, греки более или менее знали, и Геродот дает о них любопытные и основательные сведения. Те же племена, которые жили в глубине нынешней России, грекам не были известны, и у Геродота мы читаем о них баснословные рассказы, которым невозможно

верить.

Ко времени Рождества Христова вместо скифов в соседстве греческих колоний в южной Руси оказываются сарматы, затем роксаланы и аланы. О них известно очень мало; но, по-видимому, все эти племена принадлежали к тому же самому иранскому корню, к которому принадлежали и более ранние скифы. Уступив со временем свои места другим племенам, эти иранцы удержались лишь в Кавказских горах, где и теперь слынут под именем осетин. На северных же берегах Черного моря вместо них утвердились со III в. по Р. Х. германские племена, известные под общим названием готов. Они пришли с низовьев Вислы, с южного побережья Балтийского моря, овладели всем Черноморьем от Дуная до Дона и Кубани и держали в страхе жителей Восточной Римской империи своими набегами по морю и суше на Малую Азию и Балканский полуостров. В VI столетии готы сравнительно успокоились под влиянием христианского учения, проповеданного у них епископом их Вульфиллой (или Ульфилой). В то время они делились на два главных племени: вестготов (тервинги) на Дунае и Днепре и остготов (грейтунги) на Днепре и на Дону. Из среды остготов вышел в середине IV в. вождь, объединивший в одно «царство» не только готские племена, но и соседние с ним народы (вероятно, финские и славянские). Это был Германрих, при котором готам пришлось испытать нашествие гуннов и затем начать переселение на запад.

Нашествием гуннов открывается ряд последовательных азиатских вторжений в Россию и Европу. Монгольская орда гуннов, постепенно придвигаясь с востока к Дону, в 375 г. обрушилась на остготов, разгромила готское королевство и увлекла с собой готские племена в движении на запад. Гонимые гуннами готы вступили в пределы Римской империи, а гунны, овладев Черноморьем и кочуя между Волгой и Дунаем, образовали пространное государство, в котором соединилось много покоренных ими племен. Позднее, в V в., гунны продвинулись еще более на запад и основались в нынешней Венгрии, откуда доходили в своих набегах до Константинополя и до теперешней Франции. После их знаменитого вождя Аттилы во второй половине V в. сила гуннов была сломлена междоусобиями в их среде и восстаниями подчиненных им европейских племен. Гунны были отброшены на восток за Днепр, и самое их государство исчезло. Но вместо гуннов из Азии в VI в. появилось новое монгольское племя аваров. Оно заняло те же места, на которых сидели ранее гунны, и до конца VIII в. держалось в Черноморье и на Венгерской равнине, угнетая покоренные европейские племена, пока, в свою очередь, его не истребили германцы и славяне. Падение аварского могущества совершилось так быстро и решительно, что у славян послужило предметом особой поговорки: русский летописец, называвший аваров обрами, говорит, что из них в живых не осталось ни одного, «и есть притча в Руси и до сегодня: погибоша аки обри». Но обры погибли, а на их

месте появились с востока еще новые орды все того же монгольского корня, именно – угров (или венгров) и хазар. Угры после некоторых передвижений в южной России заняли нынешнюю Венгрию, а хазары основали обширное государство от Кавказских гор до Волги и до среднего Днепра. Однако движение народов с востока не остановилось и после образования хазарской державы: за хазарами в южно-русских степях появились новые азиатские народы тюрко-татарского племени; это были печенеги, тюрки, половцы и, позднее всех, татары (в XIII в.).

Так последовательно в продолжение почти целого тысячелетия южные степи нынешней России были предметом спора прошлых племен: готы сменялись гуннами, гунны – аварами, авары – уграми и хазарами, хазары – печенегами, печенеги – половцами, половцы – татарами. Начиная с гуннов, Азия посылала на Европу одно кочевое племя за другим. Проникая через Урал или Кавказ в Черноморье, кочевники держались вблизи от черноморских берегов, в степной полосе, удобной для кочевья, и не заходили далеко на север, в лесные пространства нынешней средней России. Леса спасали здесь от окончательного разгрома пришлых орд постоянное местное население, состоявшее главным образом из славян и финнов.

Русские славяне и их соседи

Что касается славян, то древнейшим местом их житель-

ства в Европе были, по-видимому, северные склоны Карпатских гор, где славяне под именем венедов, антов и склавен были известны еще в римские, готские и гуннские времена. Отсюда славяне разошлись в разные стороны: на юг (балканские славяне), на запад (чехи, моравы, поляки) и на восток (русские славяне). Восточная ветвь славян пришла на Днепр, вероятно, еще в VII в. и, постепенно расселяясь, дошла до озера Ильменя и до верхней Оки. Из русских славян вблизи Карпат остались хорваты и воляняне (дулебы, бужане). Поляне, древляне и дреговичи основались на правом берегу Днепра и на его правых притоках. Северяне, радимичи и вятичи перевалили за Днепр и сели на его левых притоках, причем вятичи успели продвинуться даже на Оку. Кривичи тоже вышли из системы Днепра на север, на верховья Волги и Западной Двины, а их отрасль словене заняли речную систему озера Ильменя. В своем движении вверх по Днепру, на северных и северо-восточных окраинах своих новых поселений, славяне приходили в непосредственную близость с финскими племенами и постепенно оттесняли их все далее на север и северо-восток. В то же время на северо-западе соседями славян оказывались литовские племена, понемногу отступавшие к Балтийскому морю перед напором славянской колонизации. На восточных же окраинах, со стороны степей, славяне, в свою очередь, много терпели от кочевых азиатских пришельцев. Как мы уже знаем, славяне особенно «примучили» обров (аваров). Позднее же поляне, северяне,

радимичи и вятичи, жившие восточнее прочих родичей, в большей близости к степям, были покорены хазарами, можно сказать, вошли в состав хазарской державы. Так определилось первоначальное соседство русских славян.

Самым диким из всех соседивших со славянами племен было финское племя, составляющее одну из отраслей монгольской расы. В пределах нынешней России финны жили с незапамятной поры, подчиняясь воздействию как скифов с сарматами, так позднее готов, тюрков, литовцев и славян. Делясь на много маленьких народцев (чудь, весь, емь, эсты, меря, мордва, черемисы, вотяки, зыряне и многие другие), финны занимали своими редкими поселениями громадные лесные пространства всего Русского Севера. Разрозненные и не имевшие никакого внутреннего устройства, слабые финские народцы оставались в первобытной дикости и простоте, легко поддаваясь всякому вторжению в их земли. Они быстро подчинялись более культурным пришельцам и ассимилировались с ними или же без заметной борьбы уступали им свои земли и уходили от них на север или восток. Таким образом, с постепенным расселением славян в средней и северной России масса финских земель переходила к славянам, и в славянское население мирным путем вливался обруселый финский элемент. Лишь изредка там, где финские жрецы-шаманы (по старому русскому названию «волхвы» и «кудесники») поднимали свой народ на борьбу, финны становились против русских. Но эта борьба кончалась неизмен-

ной победой славянства, и начавшееся в VIII–X вв. обрусение финнов продолжалось неуклонно и продолжается еще до наших дней. Одновременно со славянским воздействием на финнов началось сильное воздействие на них со стороны тюркского народа болгар волжских (названных так в отличие от болгар дунайских). Пришедшие с низовьев Волги к устьям Камы кочевые болгары основались здесь и, не ограничиваясь кочевьями, построили города, в которых началась оживленная торговля. Арабские и хазарские купцы привозили сюда с юга по Волге свои товары (между прочим, серебряную утварь, блюда, чаши и проч.); здесь они выменивали их на ценные меха, доставляемые с Севера Камой и верхней Волгой. Сношения с арабами и хазарами распространили между болгарами магометанство и некоторую образованность. Болгарские города (в особенности Болгар, или Булгар, на самой Волге) стали очень влиятельными центрами для всей области верхней Волги и Камы, населенной финскими племенами. Влияние болгарских городов сказывалось и на русских славянах, торговавших с болгарами, а впоследствии враждовавших с ними. В политическом отношении волжские болгары не были сильным народом. Завися первоначально от хазар, они имели, однако, особого хана и многих подчиненных ему царьков или князей. С падением Хазарского царства болгары существовали самостоятельно, но много терпели от русских набегов и были окончательно разорены в XIII в. татарами. Их потомки чуваша представляют теперь слабое и

мало развитое племя.

Литовские племена (литва, жмудь, латыши, пруссы, ятвяги и др.), составляющие особую ветвь арийского племени, уже в глубокой древности (во II в. по Р. Х.) заселяли те места, на которых их позднее застали славяне. Поселения литовцев занимали бассейны рек Неман и Западной Двины и от Балтийского моря доходили до р. Припяти и истоков Днепра и Волги. Отступая постепенно перед славянами, литовцы сосредоточились по Неману и Западной Двине в дремучих лесах ближайшей к морю полосы и там надолго сохранили свой первоначальный быт. Племена их не были объединены, они делились на отдельные роды и взаимно враждовали. Религия литовцев заключалась в обожествлении сил природы (Перкунь – бог грома), в почитании умерших предков и вообще находилась на низком уровне развития. Вопреки старым рассказам о литовских жрецах и различных святилищах, теперь доказано, что у литовцев не было ни влиятельного жреческого сословия, ни торжественных религиозных церемоний. Каждая семья приносила жертвы богам и божкам, почитала животных и священные дубы, угощала души умерших и занималась гаданиями. Грубый и суровый быт литовцев, их бедность и дикость ставили их ниже славян и заставляли литву уступать славянам те свои земли, на которые направлялась русская колонизация. Там же, где литовцы непосредственно соседствовали с русскими, они заметно поддавались культурному их влиянию.

По отношению к финским и литовским своим соседям русские славяне чувствовали свое превосходство и держались наступательно. Иначе было дело с хазарами. Кочевое тюркское племя хазар прочно осело на Кавказе и в южнорусских степях и стало заниматься земледелием, разведением винограда, рыболовством и торговлей. Зиму хазары проводили в городах, а на лето выселялись в степь к своим лугам, садам и полевым работам. Так как через земли хазар пролегли торговые пути из Европы в Азию, то хазарские города, стоявшие на этих путях, получили большое торговое значение и влияние. Особенно стали известны столичный город Итиль на нижней Волге и крепость Саркел (по-русски Белая Вежа) на Дону близ Волги. Они были громадными рынками, на которых торговали азиатские купцы с европейскими и одновременно сходились магометане, евреи, язычники и христиане. Влияние ислама и еврейства было особенно сильно среди хазар; хазарский хан («каган» или «хакан») со своим двором исповедовал иудейскую веру; в народе же всего более было распространено магометанство, но держались и христианская вера, и язычество. Такое разнoverие вело к веротерпимости и привлекло к хазарам поселенцев из многих стран. Когда в VIII столетии некоторые русские племена (поляне, северяне, радимичи, вятичи) были покорены хазарами, это хазарское иго не было тяжелым для славян. Оно открыло для славян легкий доступ на хазарские рынки и втянуло русских в торговлю с Востоком. Многочисленные кла-

ды арабских монет (диргемов), находимые в разных местностях России, свидетельствуют о развитии восточной торговли именно в VIII и IX вв., когда Русь находилась под прямой хазарской властью, а затем под значительным хазарским влиянием. Позднее, в X в., когда хазары ослабели от упорной борьбы с новым кочевым племенем – печенегам, русские сами стали нападать на хазар и много способствовали падению Хазарского государства.

Перечень соседей русских славян необходимо дополнить указанием на варягов, которые не были прямыми соседями славян, но жили «за морем» и приходили к славянам «из-за моря». Именем «варягов» («варангов», «вэрингов») не только славяне, но и другие народы (греки, арабы, скандинавы) называли норманнов, выходивших из Скандинавии в другие страны. Такие выходцы стали появляться с IX в. среди славянских племен на Волхове и Днепре, на Черном море и в Греции в виде военных или торговых дружин. Они торговали или нанимались на русскую и византийскую военную службу или же просто искали добычи и грабили, где могли. Трудно сказать, что именно заставляло варягов так часто покидать свою родину и бродить по чужбине; в ту эпоху вообще было очень велико выселение норманнов из Скандинавских стран в Среднюю и даже Южную Европу: они нападали на Англию, Францию, Испанию, даже Италию. Среди же русских славян с середины IX столетия варягов было так много и к ним славяне так привыкли, что варягов можно назвать

прямыми сожителями русских славян. Они вместе торговали с греками и арабами, вместе воевали против общих врагов, иногда ссорились и враждовали, причем то варяги подчиняли себе славян, то славяне прогоняли варягов «за море» на их родину. При тесном общении славян с варягами можно было бы ожидать большого влияния варягов на славянский быт. Но такого влияния вообще незаметно — знак, что в культурном отношении варяги не были выше славянского населения той эпохи.

Первоначальный быт русских славян

Мы познакомились с теми известиями о славянах, которые позволяют нам сказать, что русские до начала самобытного политического существования имели несколько веков примитивной жизни. Древние писатели византийские (Прокопий и Маврикий) и германские (гот Иордан) раскрывают нам и черты первоначального быта славян, с которыми интересно познакомиться, чтобы уяснить себе, в каком положении, на какой степени общественного развития застает славян история. Придя в пределы теперешней России, в Поднепровье, славяне не нашли здесь такой культуры и цивилизации, как германские племена, вторгшиеся в Западную Римскую империю. Последние сами должны были подняться до той высоты, на которой стояли туземцы; славяне же предстают перед нами в достаточной чистоте примитивного быта.

Об этом быте еще в XVIII в. сложились два воззрения. Представителем первого был известный Шлёцер; другая же теория получила окончательное развитие в «Истории русской жизни» недавно умершего ученого И. Е. Забелина. Шлёцер представлял себе первоначальный быт славян не выше быта дикарей ирокезцев. Еще летописец говорил, что славяне «живяху звериньским образом»; так думал и Шлёцер. Первые семена гражданственности и культуры, по его мнению, были брошены варягами, которые вызвали славян за собой на историческую арену. Это взгляд, очевидно, крайний. Забелин же («История русской жизни», 2 тома. М., 1876–1879) рисует нам быт славян русских в IX–X вв. очень сложным и высоко развитым и впадает поэтому в иную крайность. Отрешимся от этих двух точек зрения и рассмотрим, какие несомненные данные для выяснения этого вопроса можем мы найти у древних источников.

Прежде всего – славяне народ не кочевой, а оседлый. Уже Тацит, который сближает их с сарматами, отмечает, что они были диким народом, но отличались от сарматов тем, что жили оседло и строили дома. Оседлость славян надо понимать в том смысле, что главный капитал их состоял не в стадах и табунах, а в земле, и хозяйство было основано на эксплуатации земли. Но эта оседлость была не прочна, так как, истощив пашню на одном месте, славяне легко покидали свое жилище и искали другого. Таким образом, поселки славян имели первоначально очень подвижный характер. Об

этом согласно свидетельствуют и греческие писатели, и летописец, который говорит о древлянах и вятичах так, что можно понять, что они только что принялись за обработку земли. Древляне, которые, по словам летописца, «живяху звериньским образом», уже ко времени летописца «делают нивы своя и земля своя». Области, в которых приходилось жить и пахать славянам, были лесные, поэтому рядом с земледелием возникла и эксплуатация лесов, развиты лесные промыслы, бортничество и охота с целью промышленною. Воск, мед и шкуры были искони предметами торговли, которыми славилась Русь на Дунае. Святослав, например, желая остаться на Дунае, говорит: «Хочу жити в Переяславце на Дунае, яко то есть середя в земли моей, яко ту вся благая сходятся»; и далее он перечисляет, что привозят туда из Греции и Рима, а о Руси говорит: «Из Руси же скоро и мед, воск и челядь». Охота на пушного зверя составляла один из основных промыслов славян, точно так же, как изделия из дерева (лодки и т. п.).

В оборот хозяйственной жизни славян издавна входила и торговля. На пространстве от южного побережья Балтийского моря до Урала и Волги находят клады с арабскими (куфическими) монетами, относящимися к VIII, даже и к VII вв. Если принять во внимание, что у арабов был обычай при каждом халифе перчеканивать монеты, то можно приблизительно точно определить время, по крайней мере, век, в котором зарыт клад. На основании этого и делают вывод, что

в VIII, IX и X вв. те народы, которые жили на Руси, вели торговлю с арабами. Эти археологические предположения совпадают с рассказами арабских писателей, которые передают нам, что арабы торговали в пределах нынешней России и, между прочим, с народом Росс. Велась торговля, вероятно, речными путями, по крайней мере, клады своим местонахождением намекают на это. О размерах торговых оборотов мы можем судить, например, по тому, что у Великих Лук и недавно у Твери найдены клады в несколько тысяч рублей. Возможность зарыть в одном кладе столько ценностей показывает, что торговля велась большими капиталами. В торговле с Востоком для славян, как мы уже видели, большое значение имели хазары, открывшие им безопасный путь к Каспийскому морю. Под покровительством этих же хазар славяне проникли и в Азию.

Это было одно направление торговли славян-русских. Второе вело в Грецию на юг. Древний договор Олега с греками показывает, что подобные торговые договоры писались уже и раньше и что в X в. сложились уже определенные формы и традиции торговых сношений. Указывают и еще торговый путь, который шел из Руси в Западную Европу. Профессор Васильевский, основываясь на хороших данных, говорит, что славяне в глубокой древности под именем «ругов» постоянно торговали на верхнем Дунае. Таким образом, сведения, которые мы имеем от древнейшей поры, показывают, что рядом с земледелием славяне занимались и тор-

говлею; а при таком условии мы можем предположить у славян раннее существование городов как торгово-промышленных центров. Этот вывод – вывод несомненный – проливает яркий свет на некоторые явления древней киевской жизни. Хотя Иордан и утверждал, что у славян не было городов, тем не менее с первого же времени исторической жизни славян мы видим у них признаки развития городской жизни. Скандинавские саги, знакомые с Русью, зовут ее «Гардарик», то есть страна городов. Летопись уже не помнит времени возникновения на Руси многих городов, они были «изначала». Главнейшие города Древней Руси (Новгород, Полоцк, Ростов, Смоленск, Киев, Чернигов) все расположены на речных торговых путях и имели значение именно торговое, а не были только пунктами племенной обороны.

Вот те несомненные данные о первоначальном быте славян, которые показывают, что последние были далеко не диким народом, что летописец впал в неточность, говоря, что в большинстве своем они «живяху звериньским образом»; но, с другой стороны, у нас нет никакой возможности доказать, что этот быт достигал высоких степеней общественной культуры.

Какую же внутреннюю организацию имели славяне? Разрешение этого вопроса вводит нас в интересную полемику.

Быт славян вначале был, несомненно, племенной. На первых страницах летописец постоянно называет их по племенам; но, читая летопись далее, мы видим, что имена полян,

древлян, вятичей и т. п. постепенно исчезают и заменяются рассказами о волостях. «Новгородци бо изначала и Смоляне и Кыяне и Полочане и вся власти (то есть волости), якоже на думу, на веча сходятся», – говорит летописец и под именем этих «властей» понимает не членов какого-либо племени, а жителей городов и волостей. Таким образом, быт племенной, очевидно, перешел в быт волостной. Это не подлежит сомнению, нужно только понять, какое общественное устройство действовало внутри крупных племен и волостей. Из каких мелких союзов состояли сперва племена, а затем волости? Какая связь скрепляла людей: родовая или соседственная, территориальная? Дерптский профессор Эверс в 1826 г. издал книгу «Das aelteste Recht der Russen», в которой впервые попробовал дать научный ответ на эти вопросы (его книга переведена и на русский язык). Во-первых, он отмечает у славян факт общего владения при отсутствии личной собственности; во-вторых, в летописи постоянно упоминается о роде: «живяху родом», «возста род на род». Святослав «имаше за убиенные глаголы: яко род его возьмет»; и в-третьих, «Русская Правда» умалчивает о личной поземельной собственности. На основании этих данных и возникла теория, по которой славяне, на первых ступенях жизни, жили родом, по образцу рода римского, то есть жили обществами, построенными на родовых началах; во главе рода стояла власть родовладыки – авторитет патриархальный. Со смертью родовладыки родовая собственность не делилась, а

движимое и недвижимое имущество все находилось во владении рода. Родовой быт действительно исключал возможность личного владения. Теория Эверса была принята нашей «школой родового быта»: Соловьев и Кавелин развили ее и перенесли в сферу политической истории. Но когда родовая теория легла в основание всей нашей истории, она встретила беспощадного критика в лице известного славянофила К. С. Аксакова, выступившего со статьей «О древнем быте у Славян вообще и у Русских в особенности», и историков-юристов Беляева и Лешкова. Они утверждают, что слово «род» в летописи употребляется не как римское «genus», что оно имеет несколько значений, так как иногда под ним подразумевается семья (в сказаниях о Кие, Щеке и Хориве), иногда род (в призвании князей); стало быть, народ, а с ним и летописец под этим словом понимали различные вещи. Общее же владение и отсутствие личного землевладения могут доказывать не родовые формы быта, а общинную организацию. Под ударами критики родовое учение потеряло свою непреложность; стали говорить, что родовой быт существовал лишь во времена глубокой древности, быть может, доисторические, а затем заменился общинным. Учение об общине было развито Аксаковым и Беляевым. По их мнению, славяне жили общиной не на основании физиологических, кровных начал, а в силу совместного жительства на одних и тех же местах и единства хозяйственных, материальных интересов. Общины управлялись властью избранных старшин,

так называемым вечем. Мелкие общины или верви сливались в волости, которые уже были общинами политическими. В первоначальных рассуждениях об общине было много неопределенного. Гораздо удачнее, конкретнее поставил вопрос о первоначальном быте славян профессор Леонтович (его поддержал Бестужев-Рюмин). Взгляды Леонтовича известны под названием теории задружно-общинного быта. По этой теории родственные славянские семьи не принимали строгой родовой организации, но жили, не забывая своего физического родства, уже на началах территориальных, соседственных. Образцом подобного рода общин была сербская задруга. В трудах позднейших этнографов (г-жи А. Я. Ефименко и др.) указано было на существование своеобразных общин архаического склада и у русских людей в историческое уже время. Эти труды окончательно позволяют утверждать, что у славян на первой стадии исторической жизни существовал своеобразный общинный, а не родовой быт.

Если же славяне не держались исключительно кровного быта и легко соединялись в общины по интересам хозяйственным, то можно объяснить, как и почему племенной быт скоро распался и заменился волостным. В первое время своей жизни на Ильмене и Днепре наши предки жили «каждый своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим». Родовые старейшины, по этому определению летописца, имели большую власть в своем роде; а сойдясь вместе на совет (вече), они решали дела за все свое племя. Но так

бывало только в особо важных случаях, например, в минуты общей опасности, грозившей всему племени. С течением же времени, когда племена и роды расселились на больших пространствах, не только ослабела связь между родами, но распадалась и самые роды, поделившись на самостоятельные семьи. Каждая отдельная семья на просторе заводила свою особую пашню, имела свои особые покосы, особо охотилась и промышляла в лесах. Общая родовая собственность переставала существовать, когда расходились семьи, составлявшие род. Она заменялась собственностью семейною. Точно так же переставала действовать и власть родовладыки: он не мог управлять сразу всеми хозяйствами родичей, потому что эти хозяйства были разбросаны на больших расстояниях. Власть родовладыки переходила к отцу каждой отдельной семьи, к домовладыке. С распадением родовых связей родичи перестали чувствовать свое взаимное родство и в случае нужды соединялись для общих дел уже не по родству, а по соседству. На общий совет (вече) сходились домохозяева известной округи, и родные друг другу и неродные одинаково. Соединенные одним каким-нибудь общим интересом, они составляли общину (задругу, вервь) и избирали для ведения общих дел выборных старейшин. Так древнейшее родовое устройство заменялось постепенно общинным, причем в состав общин могли входить семьи, принадлежащие не только к разным родам, но даже к разным племенам. Так бывало в тех местах, где соседнили друг с другом различные племена,

или же в тех местах, куда одновременно шла колонизация от нескольких племен (например, в Верхнем Поволжье, которое заселялось и от кривичей, и от вятичей).

С развитием по русским рекам торгового движения к черноморским и каспийским рынкам в земле славян стали возникать большие города. Такими были: Киев – у полян, Чернигов – у северян, Любеч – у радимичей, Смоленск и Полоцк – у кривичей, Новгород – у ильменских славян и др. Подобные города служили сборными пунктами для купцов и складочными местами для товаров. В них встречались торговые иноземцы, варяги по преимуществу, с русскими промышленниками и торговцами; происходил торг, составлялись торговые караваны и направлялись по торговым путям на хазарские и греческие рынки. Охрана товаров в складах и на путях требовала вооруженной силы, поэтому в городах образовались военные дружины или товарищества, в состав которых входили свободные и сильные люди (витязи) разных народностей, всего чаще варяги. Во главе таких дружин стояли обыкновенно варяжские предводители – конунги (по-славянски конунг – князь). Они или сами торговали, охраняя оружием свои товары, или нанимались на службу в городах и оберегали города и городские торговые караваны, или же, наконец, конунги захватывали власть в городах и становились городскими владетельными князьями. А так как городу обыкновенно подчинялась окружающая его волость, то в таком случае образовывалось целое княжество, более или

менее значительное по своему пространству. Такие варяжские княжества были основаны, например, Аскольдом и Диром в Киеве, Рюриком в Новгороде, Рогволодом в Полоцке. Иногда княжеская власть возникала у славянских племен и независимо от варяжских конунгов: так, у древлян был свой местный князь по имени Мал («бе бо имя ему Мал, князю Деревьску», – говорит современник).

Появление городов, а с ними торговых иноземцев и военных дружин на Руси колебало старый племенной быт русских племен еще больше, чем расселение на новых местах. Люди, собиравшиеся в города из разных мест, выходили из своих родовых союзов и соединялись по своим делам и занятиям в иные сообщества: становились воинами-дружинниками, вступали в торговые компании, обращались в городских промышленников. Вместо патриархального соединения родичей нарождались общественные классы в нашем смысле слова: людей военных, торговых, промышленных, которые зависели уже не от родовладык, а от городских властей – князей и хозяев. И те люди, которые оставались в волостях на своих пашнях и лесных угодьях, тоже чувствовали на себе влияние городов с их торговлей и промыслами. В прежнее патриархальное время каждый род и даже каждая семья, жившая особым двором, имела свое обособленное хозяйство. Каждый для себя пахал землю и охотился, сам себя обстраивал своим лесом, одевался и обувался в ткани и кожи своего собственного изделия; каждый сам для себя изго-

товлял все необходимые орудия. Со стороны ничего не покупалось и на сторону ничего не продавалось. Запасалось и готовилось впрок только то, что необходимо было для своей семьи или рода. Такое хозяйство, не зависимое от других и не знающее торгового обмена продуктов, называется «натуральным». Когда на Руси развилась торговля и выросли города, на городские рынки стал требоваться товар, всего более мед, воск и меха, бывшие главными предметами русского вывоза. Эти предметы добывались в лесах деревенским людом. Под влиянием спроса из городов их стали добывать уже не только для себя, но и на продажу: из предмета домашнего потребления их обратили в товар и меняли на другие ценности или продавали на деньги, которых раньше не знали. Там, где прежде всего производили сами для себя и сами же все потребляли, понемногу начали многое покупать со стороны и запасать товары для продажи или копить доходы за проданные товары, иначе говоря, образовывали капиталы. Вместо натурального хозяйства начиналось денежное.

Так постепенно изменялся тип жизни наших предков. Из патриархального родового и племенного быта славяне понемногу переходили к общинному устройству и соединялись под влиянием главных «старейших» городов в волости или княжества, в которых объединяли людей уже не родственные отношения, а гражданские и государственные. С течением времени отдельные городские и племенные волости и княжества собрались вместе и объединились под одной государ-

ственной властью. Тогда началось единое Русское государство; но оно вначале не отличалось внутренней сплоченностью и однородностью. Когда знаменитый князь Олег брал дань на греках, то брал ее не только для себя, но и на города: «По тем бо городом сядяху велиций князи, под Олгом суще». Киевский князь еще терпел других, себе подобных.

Киевская Русь

Образование Киевского княжества

Вопрос об образовании одного на Руси великого княжества (Киевского) приводит нас к вопросу о варягах-руси, которым приписывается водворение на Руси политического единства и порядка.

Кто же были эти варяги-русь, покорившие сперва Новгород, а затем и Киев? Вопрос этот возник в русской историографии уже давно, но исследования за 150 лет настолько осложнили его, что и теперь разрешать его нужно очень осторожно.

Остановимся прежде всего на двух местах летописи, местах важных, которые, в сущности, и породили варяжский вопрос: 1) летописец, перечисляя племена, жившие по берегам Балтийского моря, говорит: «По сему же морю Варяжскому (то есть Балтийскому) сядят Варязи»... «и то Варязи: Свей, Урмане (норвежцы), Готе, Русь, Англяне». Все это северогерманские племена, и варяги поставлены среди них, как их родовое имя среди видовых названий. 2) Далее в рассказе летописца о призвании князей читаем: «Идоша за море к варягам-руси, сице бо ся зваху ты Варязи Русь, яко се друзи зовутся Сwei, друзии же Англяне, Урмане, друзии Го-

те тако и си». Таким образом, по словам летописи, из варягов одни назывались русью, другие англянами, урманам и т. д.; летописец, очевидно, думает, что русь есть одно из многих варяжских племен. На основании этих и других показаний летописей ученые стали искать более точных сведений и увидели, что варягов знал не только наш летописец, но и греки. Слово «варяг» писалось с юсом и, стало быть, произносилось как «варенг». Такое слово встречается и у греческих писателей и служит совершенно определенным понятием – у греков под именем Βαραγγῶι (Βάρανγοι (*греч.*) варанги) разумелись наемные дружины северных людей, норманнов, служивших в Византии. С тем же значением северных дружин встречается слово Waeringer (варанги) и в скандинавских сагах; арабские писатели также знают варангов как норманнов. Следовательно, «варанги» представляют собой нечто вполне определенное в смысле этнографическом – дружину норманского происхождения. В последнее время удалось, как кажется, определить точно и родину варягов, то есть страну Варангию, благодаря одному известию, найденному и напечатанному профессором Васильевским в его статье «Советы и ответы Византийского боярина XI века». Этот византийский боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии, а известно, что Гаральд был из Норвегии. Так отождествляются Норвегия и Варангия, норвежцы и варяги. Этот вывод очень важен в том отношении, что раньше

была тенденция толковать слово «варанги» как техническое название бродячего наемного войска (варяг – враг – хищник бродячий); на основании такого понимания Соловьев нашел возможным утверждать, что варяги не представляли отдельного племени, а только сбродную дружину, и не могли иметь племенного влияния на славян.

Итак варяги – норманны. Но этот вывод еще не решает так называемого «варяго-русского» вопроса, потому что не говорит нам, кто назывался именем русь. Летописец отождествил варягов и русь; теперь же ученые их различают и для этого имеют свои основания. У иностранных писателей русь не смешивается с варягами и делается известной раньше варягов. Древние арабские писатели не раз говорят о народе русь и жилища его помещают у Черного моря, на побережье которого указывают и город Русию. В соседстве с печенегами помещают русь в Черноморье и некоторые греческие писатели (Константин Багрянородный и Зонара). Два греческих жития (Стефана Сурожского и Георгия Амастридского), разработанные В. Г. Васильевским, удостоверяют присутствие народа русь на Черном море в начале IX в., стало быть, ранее призвания варягов в Новгород. Ряд других известий также свидетельствует о том, что варяги и русь действуют отдельно друг от друга, что они не тождественны. Естественно было бы заключить отсюда, что имя руси принадлежало не варягам, а славянам и всегда обозначало то же, что оно значило в XII в., то есть Киевскую область с ее населением. Так и скло-

нен решать дело Д. И. Иловайский. Есть, однако, известия, по которым считать русь славянским племенным названием нельзя.

Первые из этих известий – Бертинские летописи, составившиеся в монархии Карла Великого. В них говорится, что в 829 г. цареградский император Феофил отправил послов к Людовику Благочестивому, а с ними людей: «*Rhos vocari dicebant*» – то есть людей, назвавших себя россами и посланных в Византию их царем, называемым Хаканом («*rex illorum Chacanus vocabulo*»). Людовик спросил у них о цели их прихода; они отвечали, что желают вернуться к себе на родину через его, Людовика, землю. Людовик заподозрил их в шпионстве и стал разузнавать, кто они и откуда. Оказалось, что они принадлежат к шведскому племени (*eos gentis esse Sueonum*). Таким образом, в 839 г. русь относят к шведскому племени, чему в то же время как будто противоречит имя их царя «*Chacanus*» – Хакан, вызвавшее много различных толкований. Под этим именем одни понимают германское, скандинавское имя «Гакон», другие же прямо переводят это «*Chacanus*» словом «каган», понимая здесь хазарского хана, который назывался титулом «казан». Во всяком случае, известие Бертинских летописей сбивает до сих пор все теории. Не лучше и следующее известие: писатель X в. Липтланд Кременский говорит, что «греки зовут *Russos* тот народ, который мы зовем *Nordmannos* – по месту жительства (*a position loci*)», и тут же перечисляет народы «печенеги, ха-

зары, руссы, которых мы зовем норманнами». Очевидно, автор запутался: вначале он говорит, что русь – это норманны потому, что они живут на севере, а вслед за тем помещает их с печенегами и хазарами на юге России.

Таким образом, определяя варягов как скандинавов, мы не можем определить руси. По одним известиям, русь – те же скандинавы, по другим – русь живет у Черного, а не у Балтийского моря, в соседстве с хазарами и печенегами. Самый надежный материал для определения национальности руси – остатки ее языка – очень скуден. Но на нем-то главным образом и держится так называемая норманнская школа. Она указывает, что собственные имена князей руси – норманнские, Рюрик (Hrurikr), Аскольд (Осколд, Höskuldr), Трувор (Трувар, Торвард), Игорь (Ингвар), Олег, Ольга (Helgi, Helga; у Константина Багрянородного наша Ольга называется Елмá, Elya), Рогволод (Рагнвальд); все эти слова звучат по-германски. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного (в сочинении «Об управлении империей») приведено по-русски и по-славянски, имена русские звучат не по-славянски и объясняются из германских корней (Юссупи, Ульворси, Генадри, Ейфар, Варуфорос, Леанти, Струвун); напротив, те имена, которые Константин Багрянородный называет славянскими, действительно славянские (Островунипрах, Неясит, Вулнипрах, Веруци, Напрези). В последнее время некоторые представители норманнской школы, настаивая на различии руси и славян, ищут ру-

си не на скандинавском севере, а в остатках тех германских племен, которые жили в первые века нашей эры у Черного моря; так, профессор Будилович находит возможность настаивать на готском происхождении Руси, а самое слово Русь или Рос производит от названия готского племени (приносится «рос»). Ценные исследования Васильевского давно шли в том же направлении, и от их продолжателей можно ждать больших результатов.

К норманнской школе примыкает и оригинальное мнение А. А. Шахматова: «Русь – это те же норманны, те же скандинавы; русь – это древнейший слой варягов, первые выходцы из Скандинавии, осевшие на юге России раньше, чем потомки их стали оседать на менее привлекательном лесистом и болотистом славянском севере». И в самом деле, кажется, всего правильнее будет представлять дело так, что русью звали в древности не отдельное варяжское племя, ибо такого не было, а варяжские дружины вообще. Как славянское название сумь означало тех финнов, которые сами себя звали *suomi*, так у славян название русь означало прежде всего тех заморских варягов-скандинавов, которых финны звали *ruotsi*. Это название русь ходило среди славян одинаково с названием варяг, чем и объясняется их соединение и смешение у летописца. Имя русь переходило и на славянские дружины, действовавшие вместе с варяжской русью, и мало-помалу закрепились за славянским Поднепровьем.

В таком состоянии находится ныне варяго-русский во-

прос (доступнейшее его изложение в труде датского ученого Вильгельма Томсена, русский перевод которого «Начало Русского государства» издан отдельной книгой и в «Чтениях Московского общества истории и древностей» за 1891 г., книга 1). Наиболее авторитетные силы нашей научной среды все держатся воззрений той норманнской школы, которая основана еще в XVIII в. Байером и совершенствовалась в трудах позднейших ученых (Шлёцера, Погодина, Круга, Куника, Васильевского). Рядом с учением, господствующим давно, существовали и другие, из которых большую пользу для дела принесла так называемая славянская школа. Представители ее, начиная с Ломоносова, продолжая Венелиным и Морошкиным, далее Геденовым и, наконец, Иловайским, пытались доказать, что Русь всегда была славянской. Оспаривая доводы школы норманнской, эта славянская школа заставила не раз пересматривать вопрос и привлекать к делу новые материалы. Книга Геденова «Варяги и Русь» (2 т.; Пг., 1876) заставила многих норманнистов отказаться от смешения варягов и руси и тем самым сослужила большую службу делу. Что касается до иных точек зрения на разбираемый вопрос, то о существовании их можно упомянуть лишь для полноты обзора (Костомаров одно время настаивал на литовском происхождении руси, Щеглов – на происхождении финском).

Знать положение варяго-русского вопроса для нас важно в одном отношении. Даже не решая вопроса, к какому племе-

ни принадлежали первые русские князья с их дружиной, мы должны признать, что частые известия летописи о варягах на Руси указывают на сожительство славян с людьми чуждых, именно германских племен. Каковы же были отношения между ними и сильно ли было влияние варягов на жизнь наших предков? Вопрос этот не раз поднимался и в настоящее время может считаться решенным в том смысле, что варяги не повлияли на основные формы общественного быта наших предков-славян. Водворение варяжских князей в Новгороде, затем в Киеве не принесло с собой ощутительного чуждого влияния на жизнь славян, и сами пришельцы, князья и их дружины, подверглись на Руси быстрой славянизации.

Итак, вопрос о начале государства на Руси, связанный с вопросом о появлении чуждых князей, вызвал ряд изысканий, не позволяющих вполне верить той летописной легенде, которая повествует о новгородцах, что они, наскучив внутренними раздорами и неурядицами, послали за море к варягам-руси с знаменитым приглашением: «Земля наша велика и обилна, а наряда (в некоторых рукописях: нарядник) в ней нету, да поидете княжить и владеть нами»; и пришел к ним Рюрик и два его брата «с роды своими», «пояша по себе всю русь». Эпический характер этого рассказа ясен из сравнения с другими подобными: известно сказание английского летописца Видукинда о таком же точно призвании бриттами англосаксов, причем и свою землю бритты хвалили теми же

словами, как новгородцы свою: «*terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam*».

Сквозь красивый туман народного сказания историческая действительность становится видна лишь со времени новгородского правителя или князя Олега (879–912), который, перейдя с Ильменя (882) на Днепр, покорил Смоленск, Любеч и, основавшись в Киеве на жительство, сделал его столицей своего княжества, говоря, что Киев будет «матерью городов русских». Олегу удалось объединить в своих руках все главнейшие города по великому водному пути. Это была его первая цель. Из Киева он продолжал свою объединительную деятельность: ходил на древлян, затем на северян и покорил их, далее подчинил себе радимичей. Под его рукой собрались, таким образом, все главнейшие племена русских славян, кроме окраинных, и все важнейшие русские города. Киев стал средоточием большого государства и освободил русские племена от хазарской зависимости. Сбросив хазарское иго, Олег старался укрепить свою страну крепостями со стороны восточных кочевников (как хазар, так и печенегов) и строил города по границе степи.

Но объединением славян Олег не ограничился. По примеру своих киевских предшественников Аскольда и Дира, сделавших набег на Византию, Олег задумал поход на греков. С большим войском «на конях и на кораблях» подошел он к Константинополю (907), опустошил его окрестности и осадил город. Греки завели переговоры, дали Олегу «дань», то

есть откупились от разорения, и заключили с Русью договор, вторично подтвержденный в 912 г. Удача Олега произвела глубокое впечатление на Русь: Олега воспевали в песнях и его подвиги изукрасили сказочными чертами. Из песен летописец занес в свою летопись рассказ о том, как Олег поставил свои суда на колеса и посуху на парусах «через поля» пошел к Царьграду. Из песни же, конечно, взята в летопись подробность о том, что Олег, «показуя победу», повесил свой щит в воротах Царьграда. Олегу дали прозвание «вещего» (мудрого, знающего то, что другим не дано знать). Деятельность Олега в самом деле имела исключительное значение: он создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хазарам и устроил, путем договоров, правильные торговые сношения Руси с Византией; словом, он был создателем русско-славянской независимости и силы.

По смерти Олега вступил во власть Игорь (912–945), по видимому не имевший таланта ни воина, ни правителя. Он сделал два набега в греческие владения: на Малую Азию и на Константинополь. В первый раз он понес жестокое поражение в морском бою, в котором греки применили особые суда с огнем и пускали «трубами огонь на ладьи русские». Во второй раз Игорь не дошел до Царьграда и помирился с греками на условиях, изложенных в договоре 945 г. Этот договор считается менее выгодным для Руси, чем договор Олега. В кампании Игоря против греков принимали участие и печенеги, впервые при Игоре напавшие на Русскую землю, а

затем помирившиеся с Игорем. Игорь погиб в стране древлян, с которых он хотел собрать двойную дань. Его смерть, сватовство древлянского князя Мала, желавшего взять за себя вдову Игоря Ольгу, и месть Ольги древлянам за смерть мужа составляют предмет поэтического предания, подробно рассказанного в летописи.

Ольга (по-древнескандинавски и по-гречески Helga) осталась после Игоря с малолетним сыном Святославом и взяла на себя правление княжеством (945–957). По древнему славянскому обычаю вдовы пользовались гражданской самостоятельностью и полноправием, и вообще положение женщины у славян было лучше, чем у других европейских народов. Поэтому не было ничего удивительного в том, что княгиня Ольга стала правительницей. Отношение к ней летописца – самое сочувственное: он считает ее «мудрейши всех человек» и приписывает ей большие заботы об устройении земли. Объезжая свои владения, она везде устанавливала порядок и везде оставляла по себе добрую память. Главным же ее делом было принятие христианской веры и благочестивое путешествие в Царьград (957). По рассказу летописи Ольгу крестили «царь с патриархом» в Царьграде, хотя вероятнее, что она крестилась дома на Руси, ранее своей поездки в Грецию. Император Константин Багрянородный, с честью принявший Ольгу в своем дворце и описавший ее прием в сочинении «Об обрядах Византийского двора», повествует о русской княгине сдержанно и спокойно. Предание же, сло-

жившееся на Руси о путешествии княгини, рассказывает, что император был поражен красотой и умом Ольги настолько, что даже хотел на ней жениться; однако Ольга уклонилась от этой чести. Она держала себя почтительно по отношению к патриарху, но вполне независимо по отношению к императору. Летописец даже уверен, что ей удалось дважды перехитрить императора: во-первых, она ловко сумела отказаться от его сватовства, а во-вторых, она отказала ему в дани или дарах, на которые он, будто бы, легковерно рассчитывал. Таково было наивное предание, усвоившее Ольге исключительную мудрость и хитрость. С торжеством христианства на Руси память княгини Ольги, во святом крещении Елены, стала почитаться и православной церковью: княгиня Ольга была причтена к лику святых.

Сын Ольги Святослав (957–972) носил уже славянское имя, но нравом был еще типичный варяг-воин, дружинник. Едва успел он возмужать, как составил себе большую и храбрую дружину и с ней стал искать себе славы и добычи. Он рано вышел из-под влияния матери и «гневался на мать», когда она убеждала его креститься: «Как мне одному переменить веру? Дружина начнет смеяться надо мною», – говорил он. С дружиной он сжился крепко, вел с ней суровую походную жизнь и поэтому двигался необыкновенно легко: «легко ходя, аки пардус (барс)», по выражению летописи.

Еще при жизни матери, оставив на попечении Ольги Киевское княжество, Святослав совершил свои первые блестя-

щие походы. Он пошел на Оку и подчинил вятичей, которые тогда платили дань хазарам; затем обратился на хазар и разгромил Хазарское царство, взяв главные города хазар (Саркел и Итиль). Заодно Святослав победил племена ясов и касогов (черкесов) на р. Кубани и овладел местностью в устьях Кубани и на азовском побережье под названием Таматарха (позднее Тмутаракань). Наконец, Святослав проникнул на Волгу, разорил землю камских болгар и взял их город Болгар. Словом, Святослав победил и разорил всех восточных соседей Руси, входивших в систему Хазарской державы. Главной силой в Черноморье становилась теперь Русь. Но падение Хазарского государства усиливало кочевых печенегов. В их распоряжение попадали теперь все южнорусские степи, занятые раньше хазарами; и самой Руси скоро пришлось испытать большие беды от этих кочевников.

Возвратясь в Киев после своих завоеваний на востоке, Святослав получил приглашение от греков помочь Византии в ее борьбе с дунайскими болгарами. Собрав большую рать, он завоевал Болгарию и остался там жить в г. Переяславце на Дунае, так как считал Болгарию своей собственностью. «Хочу жить в Переяславце Дунайском, – говорил он, – там середина (центр) моей земли, там собираются всякие блага: от греков золото, ткани, вина и плоды, от чехов и угров – серебро и кони, из Руси меха, воск и мед и рабы». Но ему пришлось на время вернуться из Болгарии в Киев, потому что на Русь в его отсутствие напали печенеги и осадили Киев. Ки-

евляне с княгиней Ольгой и детьми Святослава едва отсиделись от грозного врага и послали к Святославу с упреками и просьбой о помощи. Святослав пришел и прогнал печенегов в степь, но в Киеве не остался. Умиравшая Ольга просила его подождать на Руси до ее кончины. Он исполнил ее желание, но, похоронив мать, сейчас же ушел в Болгарию, оставив князьями на Руси своих сыновей. Однако греки не желали допустить господства русских над болгарами и потребовали удаления Святослава назад на Русь. Святослав отказался покинуть берега Дуная. Началась война, и византийский император Иоанн Цимисхий одолел Святослава. После ряда тяжелых усилий он запер русских в крепости Доростол (теперь Силистрия) и вынудил Святослава заключить мир и очистить Болгарию. Войско Святослава, истомленное войной, на пути домой было захвачено в днепровских порогах печенегами и рассеяно, а сам Святослав убит (972). Так печенеги довершили поражение русского князя, начатое греками.

После смерти Святослава на Руси между его сыновьями (Ярополком, Олегом и Владимиром) произошли междоусобия, в которых погибли Ярополк и Олег, и Владимир остался единодержавным. Потрясенное усобицами государство являло признаки внутреннего разложения, и Владимиру пришлось потратить много сил, чтобы дисциплинировать варягов, у него служивших, и усмирить отложившиеся племена (вятичей, радимичей). Пошатнулось после неудачи Свято-

слава и внешнее могущество Руси. Владимир вел много войн с разными соседями за пограничные волости, воевал также с камскими болгарами. Втянулся он и в войну с греками, в результате которой принял христианство по греческому обряду. Этим важнейшим событием окончился первый период власти варяжской династии на Руси.

Так образовалось и крепло Киевское княжество, объединившее политически большую часть племен русских славян.

Общие замечания о первых временах Киевского княжества

Образование государств совершается различно. Может произойти так, что известное общество складывается естественно: под влиянием мирной деятельности, хозяйственных заимок постепенно обозначаются те или другие границы занятой племенем территории; слагаются определенные общественные связи, и затем в обществе выделяется правящий класс, господствующий обыкновенно в силу знатности происхождения или своего экономического преобладания. Всеобщая история показывает нам развившееся таким образом кельтское общество, в котором создан ряд вполне определенных отношений экономического характера, и в силу этих отношений во главе общества, как его вожди, стали лица, имеющие большее количество земли и рабочего скота. Это и была аристократия, господствующий класс, кото-

рый мало-помалу приобрел полное преобладание. Таков был рост общества, совершившийся в силу кровных и экономических связей. Но бывает и иначе. Известное общество уже сложилось, в нем образовалась или образуется политическая власть, как вдруг является неприятель, захватывает в свои руки путем открытого насилия политическое преобладание и власть, а вместе с этим перерабатывает и все прежние общественные отношения. Так было в Западной Римской империи, когда в нее вторглись германцы, заняли первое место в старом обществе и захватили себе земли. Экономический порядок, который существовал здесь раньше, перестроился к выгодам господствующего класса.

Который же из этих порядков имел место в Киеве? Мы видим, что племенной быт славян естественно изменился в волостной, и в этом уже сложившемся организме общественной жизни возникла власть варяжских князей. Чрезвычайно важно определить: отразилось ли влияние этих князей с их дружинами на общественных отношениях славян или нет? Судя по историческим данным, мы скорее можем сказать – нет. Влияние варягов было крайне ничтожно; они не нарушили общего порядка прежней общественной жизни. Какую же роль играли варяжские князья, в чем заключалась их деятельность и какова была их власть? Власть эта была настолько неопределенна и своеобразна, что ее чрезвычайно трудно уложить в готовые формулы. Вообще говоря, теория государственного права различает три главных вида поли-

тической власти. Первый вырастает на основании кровных связей: постепенно развивается аристократический (господствующий) род, и его родовладыка признается владыкой и вместе политической властью всего племени. Такой власти присвоено название власти патриархальной, она является у народов кочевых и полукочевых. Второй вид есть так называемая вотчинная, или патримониальная, власть: известное лицо считает своей собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе. Такой тип власти соблюдается у нас в удельный период XIII, XIV, XV вв. и притом в очень чистой форме. Третий вид власти зиждется уже не на кровных родовых началах и не на территориальной основе, а на основании более сложном. Современная нам политическая власть возникает на почве национального самосознания, когда племя, сознавая свое единство племенное и вероисповедное, сознает и свое историческое прошлое, обращается в нацию с национальным самосознанием. И такой момент был в истории Руси впервые в XVI в. Что же касается до власти варяжских князей, то она, в сущности, не подходит ни к одному из указанных типов: во-первых, варяжские князья не могли у нас господствовать в силу кровного начала, во-вторых, они не считали землю своей собственностью и, в-третьих, самое понятие земли русской впервые складывается на глазах истории в устах прежде всего князя Святослава, который говорил своим воинам: «Не посрамят земли Русской!» Киевские князья

в сущности представляют собой защитников страны, которые за известную плату охраняют общество от неприятеля. Читая скудные свидетельства летописи, мы видим, что главная деятельность князей направлялась на то, чтобы: 1) объединить русские племена и создать на Руси единое государство; 2) устроить как можно выгоднее торговые сношения с соседями и обезопасить торговое движение к иноземным рынкам и 3) оборонить Русь от внешних врагов.

1. Завладев сначала всем великим водным путем «из варяг в греки», от Ладоги до Киева, киевские князья старались затем покорить себе и те славянские племена, которые жили в стороне от этого пути (древляне, вятичи). В подчиненных областях они или лично устраивали порядок, или посылали туда для управления своих сыновей и дружинников в качестве своих наместников («посадников»), или же, наконец, оставляли там местных князей «под рукою своею». Главной задачей управления был тогда сбор «дани». Константин Багрянородный сообщает любопытные подробности о том, как сам князь или его посадники объезжали волости, творя суд и расправу и собирая дань деньгами или натурою. Такой объезд назывался «полюдьем» и совершался по зимнему пути. К весне собранная князем дань свозилась на речные пристани, грузилась на суда и весной сплавлялась в Киев. В то же время «везли повоз», то есть доставляли дань в Киев из тех мест, где не успели побывать сами князья с дружинниками. В руках киевских князей сосредоточивались, таким образом,

большие запасы различных товаров, которыми князья и торговали, посылая их от себя в Грецию, или к хазарам, или (как Святослав) на Дунай.

2. Весной в Киеве составлялись большие торговые караваны из лодок, которые по-славянски назывались «ладьями», а по-гречески «моноксилами», то есть однодеревками. Такое название дано было ладьям потому, что их днище (киль) состояло из одного дерева; подобные ладьи подымали несколько сот пудов груза и до 40–50 человек экипажа. К ладьям княжеским присоединялись ладьи княжеской дружины и купцов («гостей»); весь караван охранялся княжеской стражей и вооруженными дружинами гостей. Устроившись, караваны отправлялись вниз по Днепру. Вот как рассказывают современники о том караване, который шел в Константинополь: собравшись окончательно верстах в 50 ниже Киева, в Витичеве, караван оттуда двигался «в греческий путь». Плывая по Днепру, он достигал «порогов», то есть скалистых гранитных гряд, пересекающих течение Днепра в нескольких местах. В порогах нельзя было плыть меж камней с полным грузом; иногда же и вовсе не было хода ладьям. Тогда русь приставала к берегу, разгружала суда, выводила скованных невольников, которых везла на продажу, тащила товары в обход порога по берегу, иногда даже перетаскивала посуху и сами ладьи. В то время как одни обходили порог, другие охраняли их и сторожили берег, боясь нападения печенегов на караван. Пройдя пороги, русь выходила в Черное море

и, держась болгарских берегов, достигала Константинополя. Огромный русский караван греки не пускали в стены своей столицы. Русь помещалась в предместье у св. Мамы и жила там с полгода, пока не кончала своих торговых дел. Прибывших русских послов и купцов греки переписывали и по списку доставляли им съестные припасы от казны. Из предместья в самый Царьград греки допускали русских сразу не более 50 человек, без оружия и с провожатым: оставаться на зиму в Греции не позволяли никому. Таким образом, греки разрешали руси устраивать под Константинополем как бы свою ярмарку с их покровительством, но под надзором и с предосторожностями. Правила, которые устанавливали порядок торговли русских в Греции и определяли все возникавшие между русью и греками во время торгового отношения, обыкновенно вносились в договоры и составляли главное их содержание; вот почему эти договоры и называются торговыми. Для того чтобы устроить общий для всей руси ежегодный караван в Грецию и такие же караваны в другие места (в хазарский Итиль, в дунайские области), киевские князья должны были тратить много труда и сил. На них лежала забота о том, чтобы своевременно стянуть к Киеву свои товары, полученные в виде дани, и всякий купеческий товар, затем снабдить караваны сильной охраной и проводить их до места назначения; наконец, путем мирных отношений или оружием подготовить выгодные условия торговли в чужих странах. Походы киевских князей на Грецию, походы Свято-

слава на Дон и Волгу были тесно связаны с торговыми делами Киева. Таким образом, торговля страны направляла собой внешнюю политику киевских князей.

3. Кроме того, на князьях лежала забота об обороне государства от внешних врагов. Степняки нападали не только на границы Руси, но и на самую столицу ее – Киев. Этот город лежал слишком близко к степному пространству и был открыт со стороны степи. Поэтому киевские князья понемногу окружают его крепостями, «рубят города» на границах степи и укрепляют самую границу валами и другими сооружениями. Чтобы степняки, печенег, не мешали торговому движению через степь, князья нападают на них в степи или же вступают с ними в дружбу и даже в союз, увлекая их вместе с собой на греков. Но такая дружба была все же исключением: обыкновенно Русь бывала в острой вражде с печенегами.

Из того, что было сказано о торговле Руси, можно сделать вывод, в чем именно заключалось значение Киева и почему Олег дал ему имя «матери русских городов».

Киев был самым южным городом на Днепре и соседствовал со степью. Поэтому в Киеве, естественно, собирались все те купцы, которые везли из Руси товары на юг и восток. Здесь устраивали главный склад вывозимых товаров; здесь был главный рынок и для тех товаров, которые привозились на Русь своими и чужими купцами от хазар и греков. Словом, Киев был торговым центром всей тогдашней Руси; прочие торговые русские города зависели от него в своих торго-

вых оборотах. Понятно, почему сильнейшие русские князья предпочитали Киев всякому иному городу и почему именно Киев стал столицей образованного этими князьями государства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.